

ЛЮДМИЛА ПАЛАТОВА

В НАЧАЛЕ ПУТИ

16+

Людмила Федоровна Палатова

В начале пути

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63491277

SelfPub; 2021

Аннотация

Эта книга о жизни в XX веке, о человеческих судьбах и медицине в социалистическом обществе, о системе медицинского образования и становлении врача как личности. Адресована широкому кругу читателей.

Содержание

В начале пути	5
Карьера	47
Школьный роман	53
Внимание!	61
Об этике в коллективе	67
Судьба играет человеком	75
Внедрение информатики в медицину	80
Публикации	84
Студенческий кружок	87
О взаимовыручке при «Советах»	90
Отбор в школу УО	92
Язык и время	94
Как там в Париже?	96
Немного об искусстве	99
Е.Н. Тер-Григорова	104
Житие ленинградское	123
Москвичка	138
Послесловие	145

Людмила Палатова
В начале пути

В начале пути

Шел 1952 год. Студенты пятого курса Пермского медицинского института готовились к окончанию обучения и думали, как получше сдать государственные экзамены. В те, уже далекие, времена было распределение, а от оценок зависело, куда тебя родина пошлет отрабатывать полученное бесплатно высшее образование. Могли направить в Кунгур или Кизел (хоть и маленькие, но все же – города), а могли и в село, например, Орду, Барду или Куеду. В последние вообще добирались из Перми через Свердловск.

Но не тут-то было. В апреле сообщили, что их курсу прибавляют год учебы и в следующем семестре они будут называться субординаторами. Что это такое, никто не знал. Как позже выяснилось, не знали и что именно «субчики», как сразу их прозвали, должны делать. Трудно сказать, откуда свалилась эта мысль в светлые головы высокого начальства, но, по обыкновению, сначала сделали, а потом стали думать. Вероятно, так ничего и не придумали, потому что к началу занятий был весьма неопределенный куцый план. Не потерялись только на кафедре марксизма-ленинизма, внедрив преподавание научного атеизма, последней, не включенной в обучение будущих врачей главы в «единственно верном учении». В остальном постановили: пусть ребята работают врачами весь год. Это решение оказалось самым правильным.

Так, нежелание начальства корпеть над новым учебным планом принесло большую пользу первым шестикурсникам. Наверное, был прав Талейран, сказав о чиновниках, что чем меньше рвения, тем больше пользы.

В это время в институт прислали нового ректора взамен Петра Петровича Сумбаева, который руководил вузом много лет. Новый начальник, по фамилии Мамойко, был свежеспеченным доктором наук, имел 35 лет от роду и отличался большим вниманием к горячительным напиткам и молодым лаборанткам. Одновременно он приступил к заведению кафедрой нормальной анатомии. Поскольку четких указаний по поводу специальностей не было, то предварительное распределение прошло по всем существовавшим тогда дисциплинам, так что на патанатомию пошла всего одна студентка, которая и занималась на кафедре весь год. Академические группы на этот год были расформированы, что сыграло положительную роль потом при подготовке к государственным экзаменам, которых было целых 7. В каждой бывшей группе были «специалисты» по самым разным разделам медицины. Готовиться стало значительно легче. Хирургов было на курсе около 30 человек.

Когда субординаторы прибыли к месту назначения, их разделили на пары и отправили в клиники, а часть – в Березники, где заведовал хирургическим отделением Е.А. Вагнер. Его стараниями районная больница строилась и превращалась в крупный медицинский центр, обеспечивавший потом

помощью весь север области.

В областной больнице, которая занимала квадрат со стороны размером в квартал и была обнесена чугунной ажурной решеткой, располагались кафедры хирургии, терапии, офтальмологии, оториноларингологии, акушерства и гинекологии, кожных болезней. Все эти специализированные отделения были клиниками медицинского института. В хирургическом корпусе кафедры госпитальной хирургии главным был профессор Семен Юлианович Минкин. В старом историческом здании было несколько специализированных отделений: общей, гнойной хирургии и травматологии, которая только что организовалась. Урологии своей не было. В терапевтическом корпусе первый этаж занимало урологическое отделение, принадлежавшее второй городской клинической больнице, где располагалась часть кафедры факультетской хирургии. Там командовал доцент И.А. Иванов. По договоренности урологии учились у него. Поликлиническую часть осваивали в областной поликлинике, здание которой стояло в углу на перекрестке улиц Пушкина и Куйбышева. Деревянный корпус был прекрасным: высоченные потолки, полуметровой ширины плахи на полу, великолепные двери, не пропускавшие комариного писка. Вся больничная территория представляла собой чудесный парк с редкими листовыми породами деревьев и громадными кустами сирени, прибежищем голосистых соловьев.

Хирургический стационар по улице Луначарского был пе-

рестроен в 1907 году, о чем свидетельствовала надпись на фронтоне здания. Тогда там был большой балкон, позже использованный под алтарь часовни святителя Луки (Войно-Ясенецкого). До постройки часовни, в 50-х годах в прилежащем зале была аудитория, где читали лекции и проходила утренняя линейка – так называли врачебную конференцию. В здании поражало качество строительных работ: бело-голубая плитка на полу положена так, что с начала двадцатого века не выпала ни одна фигурка, а окна и двери стояли на своих местах, как вкопанные, и открывались и закрывались нормально.

1 сентября 1952 года на первой для субординаторов линейке было сделано сообщение, что с этого дня институтская клиника перестает быть таковой и подчиняется облздравотделу. В больнице новый главный врач, в клинике новый заведующий... В общем, понеслось. Вчерашняя студентка Аня пыталась понять, что обозначают эти новые понятия, но, как и все остальные её «однокорытники», разобраться не смогла. Она была не одинока. Немногие понимали, что влечёт за собой новое подчинение. Было ясно, что кафедры становятся просто арендаторами площадей и теряют всяческие права на управление лечебным процессом. Но вот тут реформаторы не учли важного обстоятельства – бывшие клинические отделения без кафедр были абсолютно не готовы к переменам и самостоятельному существованию. Главной рабочей силой в них был ассистентский состав, ординаторы и ас-

пиранты. Мозгом был профессор. Это они все умели и учили. Преподаватели того времени наряду с учебным процессом вели больных, дежурили по стационару, оперировали, консультировали в других отделениях и в поликлинике, летали в область по санавиации, выезжали в прикрепленные районные и городские больницы несколько раз в год. За это они получали половину лечебной ставки. Никто из них никогда не считался со своим временем. Основным было «надо». И потом целых полвека никому не приходило в голову, что все волокут на себе арендаторы. Ведь еще был студенческий кружок, работа агитаторов, еженедельные политинформации, работа в общежитиях, бесконечные вечерние собрания-заседания по всякой ерунде. Но тут высокое начальство даже не скрывало, что не желает оставлять трудящимся свободное время – а вдруг ещё думать начнут! Уже в зрелом возрасте Аня думала с удивлением, что такую жизнь считали нормальной.

Любопытно, что практически до конца двадцатого века заведующие кафедрой госпитальной хирургии (профессора С.Ю. Минкин и Е.А. Вагнер) оставались главными авторитетами, распоряжались коллективом, командовали лечебным процессом. Опомнились больничные только потом, когда сами приобрели, наконец, достаточный опыт и знания. И тогда, очевидно, в благодарность, повели себя как хозяева, полностью отстранив «арендаторов», а оскорбленные и униженные «преподы» отделились от практики. Только вот чему они бу-

дут учить?

Однако вернемся к нашему повествованию. В пару с Аней попал Валя, который в учении большим рвением не отличался. Правда, в клинике все субординаторы были настроены на приобретение опыта и знаний. Известно, что цыплят надо считать по осени. Это будущие специалисты понимали хорошо, тем более, что им позволили самим выбрать будущее поприще, а это очень важно. Старики правильно заметили, что невольник – не богомольник.

Пара отправилась в гнойное отделение. Палаты в старом больничном корпусе были на 8 – 10 коек. Аня пригляделась к страждущим. Её внимание привлек дед со стоящей рядом капельницей, шланг от которой вел к ягодичной области. Поскольку никто из студентов врачами себя не считал, то и авторитет свой они потерять не опасались, поскольку этого авторитета пока просто не было. Учиться, так учиться. Она обратилась к палатной медсестре с вопросом, для чего этот агрегат и получила ответ, что таким образом восполняют потерю жидкости.

– Через прямую кишку?

– Ну! – Известно, что на Урале это междометие обозначает «да».

– Тут в палате надо еще одному дяденьке поставить. Возьмешь в перевязочной. Да не забудь шланг положить между двумя грелками!

– Зачем?

– А затем, чтобы физраствор тёплым был, а то все как клизьмой выскочит! Да капли медленно поставь! Тогда всосется.

Таким способом в 1952 году восполняли объем циркулирующей жидкости у послеоперационных больных. Вторым методом было введение одного – полутора литров раствора под кожу бедра, от чего окружность его увеличивалась чуть не вдвое. Это было так больно, что сестры чаще всего прибегали к первому приему. Несколько позже догадались вводить жидкости внутривенно. Лекарственные среды наливали в полулитровые ампулы с двумя носиками с обеих сторон. Они были многократного пользования. От частого кипячения носики их были хрупкими и при насаживании резиновых грубых шлангов отламывались, что часто влекло за собой травмы пальцев. В коридорах и предоперационной на электрических плитках стояли большие стерилизаторы, в которых кипятили стеклянные многоразовые шприцы Люэра, иглы разных размеров и резиновые трубки. В первый же день Аня увидела, что заведующая подошла к сестре, занятой стерилизатором, достала из него резиновый шланг и пропустила его между пальцами. Из просвета на всю длину трубки показался сварившийся тромб. Ничего не сказав, заведующая прошла в ординаторскую. Аня поняла, что трубка предназначалась для капельницы. Это был один из первых уроков, которых предстояло ещё очень много.

Следующим сильным впечатлением стала необходимость

вскрытия гнойника на шее. В отделении работали два врача: бывший фронтовик лет сорока и ассистент кафедры лет тридцати. Оба великолепные хирурги. Они решили начать прямое обучение девицы и отвели её в перевязочную. Там хозяйничала Настенька, женщина неопределенных лет малого роста и огромного опыта. Воспалительная опухоль располагалась на шее в проекции сонной артерии. На Аню надели стерильные перчатки размером не менее восьмого. Они съезжали с руки, а пальцы болтались на 3 – 4 сантиметра. Мокрый люэровский шприц скользил в руке, новокаин из бутылочки с этикеткой никак не набирался. Тогда решили, что кожу лучше заморозить в буквальном смысле, и побрызгали из ампулы хлорэтилом. Иней на коже показал, что эффект достигнут, Аня взяла скальпель и прицелилась над сонной артерией.

– КУДА? – Рывкнули в две глотки учителя. Аня с перепугу уронила скальпель. Ей объяснили, что разрез должен быть сбоку, подальше от артерии. Обошлось без смертоубийства. От дальнейших манипуляций в первый день воздержались. Надо было заполнять документацию, главной единицей которой была история болезни. Аня огляделась вокруг, где бы притулиться к поверхности и найти ручку-вставочку и чернильницу.

Писать истории болезни следовало бы в ординаторской. Она помещалась в самой маленькой комнате на втором этаже. Там стояли одна кровать для дежурного врача и малень-

кий стол, на который приносили остатки еды с кухни. Называлось это «от главного врача». Субординаторам, с которыми дежурная бригада сразу увеличилась до четырех человек, пища уже не доставалась, но они сразу заявили, что «нечего делать культ из еды».

Малые размеры ординаторской представляли большие неудобства на экстренных дежурствах. Ане уже успели рассказать, как в конце очень тяжелых суток, когда почти не выходили из операционной, выдался свободный час и можно было передохнуть, явился в клинику профессор. Он заглянул в ординаторскую, и глазам его предстала картина: на единственной кровати головой на подушке прилегла Роза Михайловна, а валетом к ней с ногами на стуле – Юра. Шеф от изумления лишился дара речи.

Увеличение бригады очень благотворно сказалось на производственном процессе. Ребята, как один, рвали работу из рук. Никто не отказывался ни от каких поручений. Тогда было намного меньше писанины, но всё равно истории болезни и выписки, запись операций в историю болезни и операционный журнал, фиксация манипуляций и краткие сведения о больных, обработанных в приемном покое, были необходимы. Всё это легло на студентов. Ведала этим сестра-канцеляристка Тоня. Личность эта была весьма примечательная. Из разговоров в отделении Аня поняла, что у Тони было пятеро детей, но замужней она себя не считала. Каждого очередного новорожденного она приносила в райздравотдел и укла-

дывала на стол начальнику с требованием льгот матери-одиночки. Эта категория была выделена в послевоенное время и пользовалась некоторыми привилегиями – проблема демографии стояла остро. Когда Тоне пытались указать, что отец её детей по фамилии Красуля живет с ними, она парировала. «Какой муж? Это сожитель!». И всегда добивалась просимого. Естественно, регистрация брака не входила в её задачу. На работе была строга и гоняла студентов за любой промах. На ней же лежала обязанность обеспечения отделения канцелярскими принадлежностями, преимущественно ручками с вставным пером № 86 и бутылью чернил. «Вечные ручки» тогда уже появились, но были не у всех, кроме того, приспособления эти были капризными, а чернила из них частенько проливались на белые халаты и отмывались с трудом или совсем не отмывались.

Кстати, в первый день ребята пришли в своих халатах, а потом им выдали «казенные». Аня надела служебную форму с завязками сзади и здоровенной дырой на рукаве. Халат был размера на три больше её одежды. На просьбу дать ей старый халат шефа, который был малого роста и худощав, как раз по её габаритам, она услышала: «Надо самой толше быть». Как выяснилось потом, новые халаты кастелянша сразу несла на рынок. Шапочек не было у женского персонала. Им полагались косынки, которые девушки повязывали самыми фантастическими фасонами. Если старшая сестра обнаруживала на ком-нибудь шерстяную вещь, немедленно отправляла пере-

одеться. Маникюр исключался абсолютно. Эпидрежим в отделении соблюдался строжайшим образом.

Аня постепенно присматривалась к коллективу. Вообще-то они уже занимались в этой клинике на пятом курсе. Их преподавательница – замечательная женщина, Галина Федоровна, помимо своих профессиональных достоинств отличалась еще и человеческими качествами. Она была деликатна и доброжелательна. Начинали студии все же с куратора. Шестидесятилетний Захар Семенович был доцентом. Он производил впечатление очень строгого и недоступного служаки. Но в скором времени ребята убедились, что первое впечатление обманчиво. Это оказался добрый и умный человек, который к тому же любил молодежь. Ругал он всех нещадно, за каждую ошибку, пропущенные возможности. А потом хвалил за пустяки. Никто на него не обижался. О его профессиональных возможностях Аня спросила у своей бывшей преподавательницы.

– Началась застройка Комсомольского проспекта с обоих концов одновременно. У вашего куратора был собственный дом на этой улице. Дом подлежал сносу, а взамен ему дали квартиру на Коноваловских пашнях, откуда до работы надо добираться только пешком по тропинке через большой овраг. Никакого транспорта туда нет. Пока с помощью шефа он добивался квартиры в центре, у него рецидивировала жестокая экзема, особенно на обеих руках. Так что в операционной он уже не появится долго.

Бродя по отделению в рассуждении, где бы приткнуться писать, Аня снова заглянула в ординаторскую. Народу там было не протолкнуться. Большинство присутствовавших врачей были молодыми. В комнатке «стояла ржа». Народ покатывался с хохота. Юра, записной анекдотчик, только что выдал очередной шедевр. Дружный смех наконец умолк. И тут раздался голосок Ниночки: «А я не поняла!». Заржали снова, на этот раз уже над ней – она ведь смеялась над анекдотом вместе со всеми. Кто-то из сердобольных старших объяснил смысл байки. Помолчали. Заведующая отделением, дама, с точки зрения Ани, довольно старая, лет сорока, вслух составляла расписание операций на завтра.

Субординаторов расписали на пост «у больного». Обязанность этого «специалиста» заключалась в постоянном наблюдении за общим состоянием, пульсом и давлением крови, дыханием и двигательными реакциями. В случаях необходимости он должен был перелить жидкость, а то и кровь. Большинство операций тогда выполнялись под местной анестезией путем «тугого ползучего инфильтрата» по Вишневскому. Новокаина вводили весьма значительное количество. Операции на брюшной полости требовали определенного мастерства при этом виде обезболивания, но всё равно болевые ощущения пациент испытывал, кашлял, особенно курильщики, при этом повышалось давление в животе и выбрасывались на поверхность кишечные петли, часто под скальпель хирурга. Больной слышал всё, что говорят между собой

операторы, в том числе и споры и сомнения, что не улучшало его самочувствия. Но главное – при любом осложнении помощь могли оказать самую минимальную. При ухудшении сердечной деятельности вводили камфору под кожу. Это был масляный раствор, который начинал оказывать действие на другой день. При остановке дыхания – «руки вместе, руки врозь», а стерильные простыни – куда попало. Понятия «интенсивной терапии» в то время не существовало. Послеоперационные палаты только начинали выделять, но там работала обычная медсестра, которая не умела оказывать помощь в критических состояниях, и никаких средств для этого не существовало. Именно в период преимущества местного обезболивания существовал термин «идиопатическое расширение желудка». Это явление не было частым, но впечатление создавало просто устрашающее. Оно полностью исчезло с появлением эндотрахеального наркоза. Синдром наблюдался на первые–вторые сутки после резекции желудка, культя его занимала всю брюшную полость, развивались парез кишечника и тяжелая сердечно-сосудистая недостаточность. Причины остались неясными. Скорее всего, главную роль играли чревное и солнечное сплетения. Исход, как правило, был летальным.

Общий наркоз тоже сопровождался многими неприятностями, одна из которых звучала: «больной не дышит». В зрелом возрасте Аня прочла, что уже в 1936 году в Америке было создано общество анестезиологов. В середине 20-го века

у нас такой науки не существовало. Она появится позже. А пока – эфир через маску Эсмарха, до четырех банок на одну операцию, даже ещё в редких случаях – хлороформ.

Вот такая задача предстояла Ане на завтрашний день. Надо сказать, что наши ребята никаких опасностей не ожидали, потому что пока находились в счастливом неведении.

На следующий день, облачившись в свой халат и повязав косынку, Аня направилась в операционную, где в начале трудового дня командовала Фрося, санитарка с военных времен. Крохотного роста, кругленькая, проворная, но не суетливая, она знала всё, и просить её ни о чем было не надо. Аня заняла своё место возле головы пациента и наблюдала, как на соседнем операционном столе начинают эфирный наркоз. Молодой врач плотно приложил к лицу больного марлевую маску, уплотнил её двумя вафельными полотенцами и начал капать из бутылочки эфир. Пациент, здоровый детина, был привязан за руки и ноги, но умудрялся ёрзать на столе. Потом сильным движением он освободил руки, сел и хорошо поставленным голосом начал: «Вот мчится тройка почтовая...». Свободный народ сбежался к столу и попытался уложить дебошира обратно, но старания их успехом не увенчались. Дяденька успел выдернуть иглу из вены, послать ампулу с физраствором в одну сторону, а докторшу «у больного» – в другую. Операционные столы в то время были довольно хлипкими, выданными по остаточному принципу. Возникла опасность, что товарищ встанет вместе со своим ложем,

но тут подоспела помощь в лице мужской части коллектива. Больной к этому времени стал от наркоза отходить и внял уговорам. Его уложили, фиксировали и продолжили наркоз.

Тем временем Аня вспомнила, что у неё тоже есть обязанности по отношению к своему посту. Глянула на пациента и обмерла. Ей показалось, что пожилой уже человек не дышит. Она толкнула врача, начинавшего наркоз её поднадзорному, и пискнула:

– Кажется, больной не дышит. – Наркотизатор не успел рот раскрыть, как со стола отозвался пациент:

– Да дышу я, Галина Федоровна! Ведь если человек не дышит, он жить не может? А я, вроде, живой!

Куратор покачал головой и покрутил пальцем у виска. Аня выдохнула и подумала: «Вот дура-то, загляделась на соседний стол. А если бы мой и вправду дышать перестал? Что бы надо было делать?» Было ясно, что будь ты хоть трижды отличником, а между экзаменом и работой получается весьма большая разница. Правда, сомнения в правильности выбора специальности у неё не возникло, наоборот, прибавилось желания учиться. Стало ясно, что пока она не знает ничего. Однако позже выяснилось, что знать-то особенно было и нечего. Остановка сердечной деятельности – лобелин или цититон. Их почему-то считали сердечными препаратами. Закрытый массаж сердца? Это стали использовать через несколько лет. Остановка дыхания? Манипуляции руками больного. Дыхание «рот в рот» – это тоже через несколь-

ко лет. Никаких аппаратов, даже кислорода, подведенного в операционную, и того нет. Он только в кислородных подушках, от которых толку мало. Вот почему так не любят общий наркоз. О специалистах в этой области даже не думают. На наркозе обычно молодые врачи, опытные избегают его всеми способами. Может, поэтому так упорно держится местная анестезия. Правда, и проталкивают её всеми способами.

Время шло, а число вопросов всё возрастало. У кого спрашивать? У всех. Просветить никто не отказывался. Одна заведующая держалась строго. Как-то Аня задержалась на входе и услышала, как Андрей Львович, кивая в её сторону, сказал: «Вот ещё один молодой доктор» и услышал в ответ: «Воображает очень!». Вот и ещё сигнал, что надо строго держаться линии поведения. И Аня вспомнила, что как-то брякнула в ординаторской, что хочет научиться оперировать двумя руками, на что тот же Андрей Львович заметил:

– Ты сначала правой научись! – Ну, и что тут скажешь? Не воображай?

Наступило время и первого дежурства. В приемное отделение, которое находилось совсем в другом корпусе, надо было добираться по размытой глинистой дорожке. Домовитый Валя спрашивал, почему тропинку не посыплют хотя бы шлаком. Ему объяснили, что неоднократно посылали просьбы в разные инстанции, но ответа так и не получили. А ещё старожилы упомянули, что зимой совсем плохо. В мороз приходится бежать из операционной, что чревато про-

студой, но и не это главное. Санитарки таскают по заледенелой дорожке носилки с лежащими больными, которых, бывает, и уронят. Слава богу, что в корпусе свой рентгеновский кабинет, а то пришлось бы топтать в рентгенцентр через парк в зимнее время. Кстати, через год организовали свое приёмное на том месте, где оно в прежнее время и было. И все вздохнули с большим облегчением. Сразу отпала масса проблем.

А пока звонок по коммутатору раздавался с завидной частотой, приходилось накидывать на себя «гуньку», как выражалась старшая сестра, и бежать в подвал соседнего корпуса, куда непрерывно кого-то везли. После обеда был перерыв, но поздним вечером снова пошло поступление. Ночью оперировали аппендициты и прободную язву. Ребята менялись у операционного стола, но записать все не удавалось. Страшно хотелось есть в 2 – 3 часа ночи, но в ординаторской не осталось даже хлеба, который буфетчицы приносили, не жалея, на блюдо. Спать тоже хотелось, но во время работы это отходило на второй план. Студентов взяли третьими ассистентами на операции. А что? Пусть начинают учиться на производстве.

Утром после линейки Аня сидела над оставшейся не записанной историей болезни. В сон уже не клонило. Наступил новый рабочий день. Она пыталась не упустить ни одной подробности. Написаны жалобы, анамнез (история) заболевания. Перо начало цепляться. Где бы взять другую ручку?

Рядом остановился Валя:

– Что? Думаешь, где бы она могла родиться?

Это была частая заморочка – при большом количестве экстренных больных сразу – забыть спросить в анамнезе жизни, где родился пациент. В бланке истории такой вопрос был. За него Тоня тоже «цукала» студентов, и не только их.

Валя пришел из травматологического отделения. Туда отправили пожилую женщину с переломом шейки бедра. В то время операции в этих случаях практически не делали. Эти больные получали помощь путем наложения кокситной гипсовой повязки. Теперь это приспособление давно забыто, а в 50-х годах это был единственный способ обездвижить конечность. Повязка доходила до середины груди, занимала весь таз и пострадавшую ногу. Наложение её было верхом искусства гипсования. Для неё существовал специальный стол. Под крестец выдвигалась треугольная узкая пластинка, плечи держались на большой поперечине, ноги крепились на держалках. Все части стола были подвижными, а части тела свободными для наложения гипса. Повязка была массивной, высыхала не раньше суток. За это время развивался застой в легких и заканчивался нередко пневмонией, от которой погиб не один пациент. Полная обездвиженность в лежачем положении тоже играла свою отрицательную роль, особенно у пожилых. Нередко в таких случаях ограничивались деротационным сапожком на больную ногу, что, в общем, тоже не улучшало состояния. В тот период перелом шейки бедра

был, по сути, приговором. Валя ходил посмотреть, как накладывают такого рода гипс. Позже все субординаторы овладели техникой гипсования, в том числе и высшим пилотажем – кокситом.

Дописав историю, Аня поинтересовалась у ответственного дежурного, что еще можно сделать, и получила указание заняться молодым человеком из психиатрической больницы, который специализировался на глотании несъедобных для человека предметов. Посоветовал сходить с ним в рентген-центр. В приемном отделении сидел щупленький юноша лет 18. Увидев Аню, он спросил, где Юра. Этого доктора он считал своим врачом. Аня ответила, что тот с сегодняшнего дня в отпуске, и пригласила пациента на рентген. Они шли по дорожке, и мальчик рассказывал ей о международной обстановке на сегодняшний день. Речь его была такой разумной, что Аня засомневалась, того ли ведет на исследование.

– Слушай, мне сказали, что ты проглотил авторучку у доктора. Это правда?

– Конечно!

– Как же ты это сделал?

– Показать? – Аня не успела оглянуться, как пациент нагнулся, схватил горсть крупной гальки и сунул её в рот. Глотательное движение, и камушки в желудке.

Мораль эпизода такова: подумай, прежде чем задать вопрос, и помни, кому ты его задаёшь. Это Аня решила оставить, как указание на будущее. В операционной у юноши из-

влекли 1,5 килограмма металлических деталей из панцирной кроватной сетки, 5 копеек и вышеупомянутую ручку без колпачка. На повторный вопрос, как ему удалось стащить ручку, он ответил:

– А им (докторам-психиатрам) уже давно запретили носить ручки в верхних карманах халатов.

Когда его возвращали в родную палату после подобных подвигов, он обычно просил положить его на определенную кровать – знал, которая сетка легче разбирается.

Время шло. Шестикурсники быстро вошли в коллектив. Они много дежурили в экстренные дни. Надо заметить, что областная больница по уставу не должна заниматься неотложной хирургией, но авторитетом профессора Минкина хирургическому отделению было разрешено три дня в неделю оказывать экстренную помощь одному из районов города. Кстати, у этого района не было на протяжении многих лет никакого стационара. А шеф просил об этом отступлении от правил в целях обучения будущих хирургов. Какая же хирургия без ургентной? Естественно, что поступали и особенно тяжелые больные из области.

Студентам довольно быстро стали доверять элементы оперативных вмешательств: разрез, ушивание операционной раны, анестезию и т.п. Через месяц они начали выполнять небольшие вмешательства, а затем аппендэктомии, грыжесечения, наложение свищей, ампутации. В середине года они стояли уже первыми ассистентами на серьёзных вмеша-

ствах. И, конечно, все наркозы поручали им.

Набираясь опыта, Аня обратила внимание на ещё один его источник – операционных сестер. Самой опытной из них была Настенька. Она не имела специального образования и вышла из санитарок во время войны.

– Настенька, посмотри, кишка уже согрелась? Можно опускать? – Оперируется ущемленная грыжа.

– Ну, чё! Сами уже скоро врачи!

– Настенька, посмотри!

– Опускай! Стратется! – больше никаких указаний не надо. Всё будет в порядке. На всю жизнь Аня сохранила благодарность к сестрам и никогда не считала их помощниками, а только равноправными участниками процесса.

И тут Аня сделала ещё одно открытие. Она обратила внимание на голубую жидкость в ампулах, которую капали в вену в особенно сложных случаях. На её вопрос об этом веществе Андрей Львович ответил:

– Это противошоковая жидкость Филатова. Она содержит в оригинальном составе 5%-ный спирт наряду с солями, а цвет – от метиленового синего. Шеф заказывает её в нашей больничной аптеке с 10%-ным спиртом, за счет чего потенцируется, как он считает, действие местной анестезии. Кстати, если увидишь, что больной после операции мочится зеленой жидкостью, не пугайся. Это от метиленовой синьки.

И тут Аня вспомнила, как несколько дней назад немолодая ассистент из другой клиники несла стеклянную утку с

зеленого цвета мочой, прижимая её к груди. На лице её был неподдельный ужас, и она обращалась к сестрам с вопросом, что это случилось с её родственником, что он начал мочиться зеленою. А ведь она и сама бы испугалась, если бы увидела подобное у своего больного. Хорошо, учтем на будущее.

Довольно быстро шеф кафедры начал приглядываться к студентам в расчете на отбор желающих заняться наукой. Аня показалась ему подходящим кандидатом. Он сам занимался нейрохирургией и предложил ей экспериментальную тему. Аня взялась за опыты на собаках, что закончилось потом диссертацией, и чего она не могла простить себе всю жизнь. Но послушаться в силу воспитания не посмела.

Во время эксперимента понадобился электростимулятор с определенными параметрами. Шеф подвел её к палате, где среди прочих вполне демократично расположился курчавый мужчина лет около 50. Он сидел по-турецки, приветливо поздоровался и немедленно принялся за прибор. Через 15 минут все было готово. Аня поблагодарила, подумав, что это был кто-нибудь из электриков. Через пару дней выяснилось, что это один из (можно бы сказать – известных, но оказался засекреченным) физиков-атомщиков. Он занимался оружием массового поражения. Пришлось побывать в местах весьма отдаленных. Ему очень хотелось вернуться на постоянную работу в Питер, в институт Иоффе. Это можно было сделать только через пребывание в провинциальном университете. Он выбрал Пермь. На кафедре физики работал

зять шефа. Профессора познакомились. Шеф был совершенно очарован. Он с восторгом рассказывал, как физик первый раз пришел на кафедру, которой ему предстояло заведовать. Было рано. Дверь была заперта. Нимало не смутившись, он заложил в рот четыре пальца. Раздался разбойничий свист. Сбежались со всех сторон уже пришедшие на работу, среди них и лаборантка с ключами. Дверь открыли, а народ познакомился с новым профессором.

Надо сказать, что физик был личностью не простой. В раннем детстве его оперировали, но документов никаких не осталось. Он рано остался круглым сиротой. Его пыталась воспитывать тетка, но он от неё сбежал. В школе толком не учился, беспризорничал. За ум взялся в юношеском возрасте и поступил лаборантом в институт, которым руководил А.Ф. Иоффе. Там он тоже начинал учиться в университете, но курсе на третьем соскучился и решил заняться диссертацией. К жизни у него был вообще научный подход. Както он решил съездить в отпуск на юг. Подсчитал свои ресурсы и в точности выдержал расклад: человеку надо в день 200г углеводов, не менее 50 г белка, витамины. Без жиров какое-то время можно обойтись, в крайнем случае, немного растительного масла. Из этого принципа он составил меню на день: хлеб (в столовой можно брать с тарелки, сколько хочешь), одно яйцо и 50 г зеленого лука (этот покупают на рынке, можно поторговаться). На таком рационе он выдержал около месяца, даже купался в море. Ребята, которые че-

рез короткое время висели на нем гроздьями, смеялись, но он, если и приврал, то слегка. Между делом были починены все приборы, рассказана масса интереснейших гипотез и из физики, и из других областей, объяснено, почему лопаются мыльный пузырь и какое это имеет значение в производстве автомобильных шин. От шефа узнали, что за кандидатской диссертацией последовала докторская, но когда его представили в член-коры, выяснилось, что документов об окончании школы и университета нет. На этом все и остановилось. Тем временем выяснилось, что физик всю жизнь страдал приступами кишечной непроходимости. Его обследовали аж в «кремлевке», но так и не разобрались. Шеф вместе с начальницей кафедры рентгенологии докопались до диагноза. Его взяли на операцию, где подтвердилось, что в детстве был наложен анастомоз над врожденной стриктурой толстой кишки. Над анастомозом сформировался большой каловый камень, который временами перекрывал пассаж. Патология была ликвидирована. Всё обошлось без осложнений. Перед своей операцией физик ходил в операционную и восхищался.

– Ребята! Физика – это ерунда! Вот острый аппендицит – это да! Я спрашиваю хирурга: «А как же кишки, которые у вас в руках?». А он мне отвечает: «А они сами там разберутся!». И быстренько, раз-раз, засовывает их обратно.

Это он предварительно изучал, что его ждет. К выписке из больницы университет дал ему 4-комнатную квартиру

в новом Доме научных работников. Он немедленно позвал всю молодежную хирургическую компанию к себе в гости. За неимением мебели сидели на полу, что-то пили и ели. Было как всегда интересно. Но к концу ребята притихли, почувствовав, что это в последний раз. К нему приехала жена, осмотрелась и местопребывание не одобрила. Вскоре физик отбыл в Питер, оставив о себе добрую память и работающие приборы.

Во время освоения хирургической техники Аня по расписанию работала в травматологическом отделении. Этот год отличался необыкновенно большим количеством детей с ко-солапостью.

Раньше с этой аномалией в клинику поступали в подростковом возрасте и старше. Им делали клиновидные резекции костей стопы. Результаты были так себе. Субординаторам пришлось осваивать новую для клиники операцию на сухожильно-связочном аппарате по Зацепину. Эту операцию выполняли чуть ли не у годовалых пациентов. Операция была изящной и не такой травматичной, как клиновидная резекция. Больных было много, и половина отделения ковыляла в коридоре. В свой последний на Урале год на кафедре работал доцент, но уже защитивший докторскую, Михаил Сергеевич Знаменский. Это был замечательный хирург во многих областях специальности, очень образованный и интеллигентный врач. Судя по фамилии, он был из семьи священников. Позднее Аня узнала, что он староста в единственной

действующей в городе кладбищенской церкви. Он постоянно что-то цитировал по-французски и, глядя на ошарашенные физиономии слушателей, немедленно переводил. Старшим было понятно, что абсолютное незнание иностранных языков у населения – задача государственная. Научи их, так они, ведь, и чужую газету при железном-то занавесе прочесть смогут и поймут, что несчастные угнетенные трудящиеся на загнивающем Западе не так уж и несчастны. А мировая революция тогда зачем? Многие остепененные преподаватели учились в классических гимназиях, где изучали четыре языка, они и читали зарубежные журналы. Шеф, постоянно бывая в институтской библиотеке, приносил оттуда «их» журналы, протягивая Ане, говорил, какую статью следует прочесть. Видя тоску в её глазах, махал рукой. Пришлось брать словари и садиться за перевод. Впрочем, к концу года она уже с трудом, но справлялась. Так и привыкла постепенно читать на английском специальную литературу.

В операционной дела шли неплохо, но скоро стало ясно, что без личной инициативы будет значительно хуже. Правда, попросить что-то сделать самому, можно было не у всех. Роза Михайловна, например, никому не давала узел завязать, приговаривая при этом: «Я за эту операцию отвечаю». А вот у Михаила Сергеевича можно было попросить сухожилие сшить. Он любезно разрешал и помогал, если надо. Это много позже Аня поняла, сколько надо снисходительного терпения, чтобы доверить студенту с трясущимися от

страха неумелыми руками что-то шить и вязать на операции, за которую ты отвечаешь. А ещё она усвоила, что хирургия – дело общественное. Когда на входе тебе улыбнулась операционная сестра, становится ясно, что все будет нормально, а уж если Галина Федоровна помогает (на самом деле, учит тебя), то и вовсе свет в окне. И ещё позже она поняла, что работа в большом отделении, где есть кого спросить и кого позвать в тяжелом случае, даже не сравнима с хирургией в маленькой больнице, где ты один. Как-то она помогала на резекции желудка заведующей отделением, опытному хирургу, но «с ножом наперевес». Радикализм её переходил все границы. Желудок был сильно растянут. Аня на этом этапе еще не очень разбиралась, что там отрезают и к чему подшивают. Резекции делали каждый по-своему в деталях. Всё же ей показалось, что связки уже все перевязаны, остался пищевод. Оператор задумалась и решила пересечь и его. Аня открыла было рот и тотчас его захлопнула: мала ещё голос подавать. Перерезав пищевод, заведующая поняла, что сотворила. На соседнем столе работал Знаменский.

– Михал Сергеич! – в голосе послышались истерические нотки.

– Сию минуту! Что у Вас? Ах, пищевод. Сейчас переможу. Не волнуйтесь. Всё поправим.

Не «Дура баба! Куда тебя понесло? Глазами смотреть надо!», как могло быть, правда, не в этой клинике. Здесь не повышали голоса и не ругались. «Не волнуйтесь», и гото-

вые пролиться слезы остановились. Дальше все действительно «поправили», т.е. доцент сделал гастрэктомия, которую «зава» делать не умела.

А тут появилась новая забота. В отделении стали появляться больные с хроническими гнойными заболеваниями легких. Ещё на третьем курсе в лекции по патанатомии профессор Коза говорил, что таковые представляют крайнюю редкость и приводил в пример великого пролетарского писателя Максима Горького, которого лечили всю жизнь от туберкулеза. Справедливость требует уточнить, что у Горького был посттравматический пульмонит. Он в девятнадцатилетнем возрасте стрелялся с суицидальной целью, после чего нелеченное ранение осложнилось нагноением. Но долгое время гнойные процессы обходили легкие стороной. А в 50-е годы эта патология стала нарастать и, по всей вероятности, не без появления антибиотиков, как это расценивали позже. Заболевание требовало хирургического лечения. Однако под местной анестезией рисковали оперировать только такие корифеи, как Углов. Аня в каникулы ездила в Питер и была там на его операции. В обычных клиниках к грудной клетке предпочитали не прикасаться. При ранениях воздух, попадая в грудную полость, вызывал немедленные нарушения функции дыхания. Это называли «плевропульмональным шоком». Никакой аппаратуры, которая помогла бы бороться с этим состоянием, даже не предвиделось. О дренировании плевральной полости как-то не догадывались. По-

этому подобные больные не получали соответствующей помощи. Позже это называлось пневмотораксом и ликвидировалось пункцией или введением в плевральную полость дренажей. Появились новые термины: абсцессы легких, бронхоэктатическая болезнь, хроническая эмпиема плевры.

С такой многолетней патологией поступила в Анину палату шестнадцатилетняя девочка. На рентгеновском снимке с контрастным веществом был обнаружен бронхиальный свищ, который открывался в большую гнойную полость в плевре. Выход был один – торакопластика, т.е. удаление ребер над полостью, которая спадется и ликвидирует гнойный процесс. Спустя годы Аня поймет, что у девочки были уже необратимые изменения в организме. Было решено, что торакопластику будут проводить поэтапно. Чтобы сделать резекцию двух ребер, не обязательно задействовать операционную, можно и в гнойной перевязочной, естественно, под местной анестезией. Никого, кроме перевязочной сестры, в помощь не поставили. Аня анестезировала линию разреза и начала выделять ребро. Возникла остановка дыхания. Пока Аня пыталась раздышать пациентку, сестра догадалась выглянуть в коридор и послать за заведующей. Та примчалась немедленно, наладила капельницу, ввела что-то, что оказалось под рукой. Все было бесполезно. Девочка умерла от остановки сердечной деятельности. Анализируя случившееся, Аня поняла, что больная была плохо обследована. У нее, конечно, был уже амилоидоз со всеми вытекающими послед-

ствиями. Подготовки никакой она не получила. Оперировать такую больную в перевязочной, даже имея в виду минимальное вмешательство, было нельзя, нужно было обставить манипуляцию всеми возможными способами, которых тоже почти не было. И, главное, нельзя было доверять операцию студентке, не имеющей ещё достаточного опыта, тем более, оставив её в одиночестве. Она помнила потом эту девочку всю жизнь. И день за днем становилось все более ясно, что местная анестезия тормозит развитие хирургии, буквально не пуская врача в грудную полость, череп, сердечно-сосудистую систему.

Шло время. Наступила очередь поликлиники, где был консультативный прием. Шеф обычно на все ближние консультации брал с собой студентов, за что ему «большое спасибо» не раз потом сказали молодые врачи. Ему везло на редкие случаи, а он ими с удовольствием занимался. Так Аня познакомилась с аномалией, носившей название «добавочное ребро». В отделение из поликлиники поступила девочка 9 лет с болями в правой руке и частыми онемениями пальцев на ней. Пришлось почитать журналы, где описывались чаще всего единичные случаи аномалии. На снимке было видно удлинение поперечного отростка седьмого шейного позвонка, который при отведении руки в сторону прижимал подключичную артерию. Возникла ишемия со всеми проявлениями. Этот случай Ане пришлось демонстрировать на областном хирургическом обществе. А следом она получила

задание собрать всех больных с нагноительными процессами в легких за последние 2 года и сделать доклад на том же обществе о новых методах обследования и лечения, в основном терапевтического, с применением новых антибиотиков. Так её начали готовить к занятию наукой. Доклад сопровождался показом таблиц. Если были картинки, их демонстрировали с помощью чудесной машины – эпидиоскопа. Для этого было необходимо изготовить картинку на стекле. Слайд ставили позади объектива, картина отбрасывалась четкая, но машиной надо было овладеть, а слайды помогали делать профессиональные фотографы.

По поводу применения антибиотиков шеф упорно предупреждал своих подопечных:

– Ребята, осторожней с антибиотиками. Не суйте их везде по поводу и без повода. К их применению должны быть серьёзные показания. Мы ещё наплачемся от тяжелых осложнений, а чем всё закончится – никто пока не знает. – Как в воду смотрел шеф.

Аня многому научилась за время работы в клинике, главное – это была обстановка абсолютной порядочности. Основой коллектива было полное отсутствие любых элементов подковерной борьбы. Основную роль играло поведение шефа. Профессор никогда не слушал доносов в любой их форме. Он просто выгонял из кабинета, так что у любителей «прояснить ситуацию» отпадало всякое желание. Межличностные конфликты временами возникали, но разрешались

они чаще всего всенародно, иногда с бросками историями болезни в ординаторской, но не более того. При этом ругались громко, но не допускали непарламентских выражений. Повзрослев, Анна нередко размышляла о том вреде, который принесла тепличная обстановка в клинике в плане воспитания молодого поколения. Когда она попадала в другой коллектив, трудно было перестраиваться, не поддаваться на провокации, не ляпать того, что думаешь, никому не доверять. Не раз вспоминала она шефа, но оправдывала его. Он пришел в клинику из коллектива, где была та самая обстановка доносов и интриг.

Её друзья – Ниночка, Юра, Валя – были верными соратниками. Она была уверена в том, что её не оставят в беде и старшие товарищи. Большим уважением у ребят пользовался Дмитрий Иванович, который, несмотря на свою молодость, был уже для них корифеем в хирургии. И, конечно, куратор Захар Семенович, и шеф. Все старшие воспитывали в субординаторах ответственность в работе и внимание к пациентам. Профессор не мог допустить, что оператор не пришел вечером посмотреть своего пациента после операции. При этом он относился к молодежи с юмором. Как-то на обходе спросил, кто оперировал больного с грыжей. Ему ответили, что Аня.

– И он после этого еще жив? – Ну, и куда теперь прятаться? Хорошо, что по молодости всё принималось как должное.

И ещё нравилось Ане увлечение чтением художественной литературы. Часто возникали импровизированные соревнования в цитировании известной прозы и стихов – кто больше? Тут уже не было соперников у Дмитрия Ивановича. В тот период общее развитие уважалось. Анины друзья при знакомстве обычно пользовались тестом: если новичок продолжал цитату из «Золотого тельца» или «Двенадцати стульев» – это был свой человек.

По праздникам дежурили по очереди, но каждый раз приезжали в клинику друзья, и не только они, и привозили домашнюю снедь, чтобы скрасить существование бедных дежурящих. К весне студенты до того вошли в коллектив, что принимали участие и в междусобойчиках.

Было уже тепло. Собрались на маёвку. Чтобы ехать загород, где-то раздобыли небольшой автобус. Мест всем не хватало, поэтому Юра распорядился, чтобы Аня пока стояла рядом. В окнах были занавески. Ребята внутри галдели. Прохожие начали останавливаться и любопытствовать, кого везут. Валя выглянул в дверь и доверительно сообщил рядом стоящему зеваке:

– Мы – психи!

Публика немедленно рассосалась. После этого Юра из автобуса сказал Ане:

– Ну, теперь и ты садись. Места-то все равно не занимаешь!

И правда, Аня куда-то внедрилась, и хирурги, а отнюдь не

психи, тронулись в путь.

Учебный год подходил к концу. Близилось окончательное распределение. После собрания перед ним будущие хирурги вдруг остановились и спросили:

– Ребята, а почему мы расходимся? Скоро ли нам придется вот так всем встретиться? Куда бы сейчас пойти вместе?

– А давайте ко мне! – неожиданно для себя сказала Аня.

– Пошли!

Как всегда, импровизированная встреча прошла замечательно. Быстро покидали, что нашлось, на стол. Налили по стопочке. Выпили за хирургию. Помечтали. Почитали стихи. Потом славно пели. Говорили, и не могли наговориться. Впереди была жизнь, любимая работа, у кого-то наука, у других уже работа и семья. А перед этим – распределение.

– Девки! – шумела Люська. – Како бы платье надеть, чтобы комиссии показаться, а то ведь в Куеду загонят!

Они даже в страшном сне не могли предположить, что их на этом распределении ждет.

Ректор Мамойко прибыл на комиссию во всеоружии. Его совершенно не интересовало, по какой специальности студенты трудились весь год. За два семестра он осмотрелся в институте и уже успел переселить многие кафедры с их обычных мест, руководствуясь только своим настроением. Заведующие кафедрами были деморализованы. Теперь он взялся за студентов. Сначала попали под руку дети преподавателей. Окулиста он послал в аспирантуру по микробиоло-

гии, учтя, что профессора этих кафедр на ножах. Двух парней-педиатров (мечту мамаш) определили на нормальную анатомию и патфизиологию. Терапевтов посылали в инфекционисты, ЛОР-врача (тоже профессорского сына, фронтовика) вместо ординатуры – в сельскую больницу. Уцелели только ничьи дети, и то к концу, когда все устали. Сказать, что все были в шоке – ничего не сказать. Государственные экзамены сдавали старыми группами. Все закончилось благополучно. Отгуляли выпускной банкет. В августе ректор скоропостижно скончался.

Аню оставили в ординатуре, которая была в то время трехгодичной. После её окончания она прошла по конкурсу в ассистенты и почти всю жизнь работала в родной клинике. О некоторых происшествиях и размышлениях в её жизни наш дальнейший рассказ.

О

немцах Прикамья

В 1947 году на первый курс медицинского института поступил мальчик по фамилии Гувва. Звали его Львом. Вступительные экзамены он сдал на пятерки, и приняли его на санитарный факультет. Тогда в институте факультетов было два. Вторым был лечебный. При послевоенной нехватке мужского пола его бы, конечно, приняли на лечебный, но он относился к «инвалидам по пятому пункту». Если бы у него был паспорт, то там в пятой графе стояло бы «немец». Но паспортов тогда у этой категории не было. Он был спецпе-

реселенец. Немцем по паспорту когда-то был его отец. Мама была русской, но к времени, о котором идет речь, её уже не было в живых. Отца его, согласно приказу верховного главнокомандующего, в конце 1941 года уволили из армии, и он, как и положено настоящему мужику, не запил, не начал жаловаться и ныть, а решил выплывать в этой жизни. Для этого надо было менять профессию, что он и сделал. Тоже поступил учиться, но в педагогический институт. Как-то им пришлось, можно только догадываться, особенно если вспомнить, что послевоенные годы были откровенно голодными. Кроме того, спецпереселенцы были даже не гражданами страны, где жили. Они были как бы вне закона, хотя карточки на еду им все же давали. Важно, что мало давали по этим карточкам. Взамен они должны были регулярно отмечаться в «конторе» на предмет их наличия в населенном пункте.

Лева учился отлично. Жили тогда младшие курсы в общаге, которая была представлена несколькими засыпными бараками сразу за инфекционной больницей. Дальше был частный сектор. Комнаты были на 8 – 10 человек. Как там можно было заниматься – представить трудно. В тот период на курсе было 2 потока. Первый включал несколько групп лечфака и весь санфак. Во втором потоке были остальные лечфаковские группы. Первые три курса программа была общей. Все фундаментальные предметы преподавались одинаково. Только потом начиналась разница в практических дис-

циплинах. Энергичный и добросовестный парень, который не отказывался ни от какой работы, обратил на себя внимание знаменитого «треугольника» – профкома, парткома и комсомольской организации. Его подали в список претендентов на именную стипендию. Чтобы было ясно теперешнему читателю, обычная стипендия была 210 р., повышенная (все пятерки) – 350 р., Молотовская – 540 р., Сталинская – 720. Хлеб стоил 20 коп./ кг, билет в трамвай – тоже 20 копеек. Именные стипендии при отличных оценках присуждались треугольником за отличную учебу и общественную работу. С размаху Лева дали Молотовскую, а когда начали разбираться, было уже поздно. Декан санфака, профессор С.И. Гусев, тоже решил спустить все на тормозах. Так Лева получил вполне приличную кормушку, которая не требовала постоянного приработка на разгрузке вагонов, кормившую почти весь мужской контингент курса. Правда, он все равно принимал участие из солидарности. Дружелюбие и благородство было неотъемлемым качеством всю его жизнь.

Удивительное все же было это время... Кажется, что появились все основания для возникновения ненависти к обществу, позволившему уничтожить человеческую личность. Но у наших «изгоев» она никак не проявлялась. А на курсе никогда и никто не напомнил ребятам из этой категории, что они – «лишенцы». Как выяснилось уже через 25 – 30 лет после окончания института, что таких в институте и на курсе было около половины – дети раскулаченных и сослан-

ных, немцы Поволжья, турки–месхетинцы из Крыма, оттуда же и греки, появились ингуши и т. п. Поэтому и на общеинститутской комсомольской конференции мандатная комиссия насчитала 44 национальности. Молодежь проявляла удивительную сплоченность и взаимовыручку. В общежитских комнатах были «коммуны», когда все полученное из дома, добытое и заработанное складывалось в кучу, и дежурные готовили общую еду. Посылки, главным образом из деревни от родных, были нечастыми и скудными (деревня сама голодала), но утаивший их хоть раз подвергался остракизму. К тому же учиться плохо было весьма немодно. Группа тянула слабых за собой. Староста на экзамене «распоряжался» порядком, с учетом особенностей препода. Он просчитывал, когда надо вперед пустить сильных, когда – наоборот. Со слабыми отправлял поддержку. И группа всегда дожидалась всех. Часто готовились к зачетам и экзаменам вместе. В медицинском много зубрежки, надо хорошо запоминать. Особенно трудно поначалу было фельдшерам. В довоенные годы в училищах была слабая подготовка по общим предметам. Тут и приходили на помощь школяры.

Лева всегда был в авангарде. Распределение было всеобщим. Тут лишенцами оказались профессорские дети. Их с удовольствием загнали на периферию. Не обращая внимания на отсутствие паспорта и вообще документов, нашего героя отправили в качестве эпидемиолога на чуму, то есть на южную границу нашей родины, где в сопредельных терри-

ториях эта беда не переводилась и очаги появлялись с завидной регулярностью. В этих случаях наши противоэпидемические отряды надевали защитные костюмы и появлялись в том же Афганистане, после чего обстановка значительно улучшалась. Лева никогда не жаловался на трудности, жару, громадные переходы и прочие прелести специальности. А судя по тому, что за длинный период времени в нашей стране не возникло не только эпидемии, но и значительных очагов, свое дело доктора знали. Паспорт он получил уже в 60-х. Между делом, защитил кандидатскую диссертацию.

На двадцатилетие окончания института он явился с женой. Симпатичная туркменка, преподаватель математики, говорила по-русски без акцента и была интеллигентным собеседником. У её дочки от первого брака, которую Лева удочерил, тоже чистокровной туркменки, в паспорте значилось: Сурайя Львовна Гув-ва, в пятой графе – русская. Так-то в те времена было безопаснее. Наряду с дочкой был и общий сын Сашка, у которого, впрочем, как и у сестры, был один путь – в медицину.

И показал же этот Сашка родителям и их сокурсникам кузькину мать, пока учился. Только после четвертого курса, т.е. после женитьбы, он понял, что хорошо учиться – прежде всего интересно. Дальше его карьера направилась в сторону психиатрии. А вот Сурайя училась хорошо, и другом младшим и старшим была верным. Она пошла за отчимом в эпидемиологию.

Пока ребята учились, Лева каждый год приезжал в Пермь. Первым делом он встречался с однокурсниками. Ему всегда были рады. Пришлось позаниматься и его здоровьем. Стали подводить ноги. В то время еще не было объективных методов обследования, но по клинике было ясно, что начались проблемы с сосудами. Курс оксигенотерапии в местной барокамере и пара курсов новокаиновых блокад малоберцового нерва дали хороший результат. Больше он на «перемежающуюся хромоту» не жаловался, может, еще и потому, что перешел на менее «походную» должность. А может быть, стал уходить в прошлое стресс, в котором он жил в молодости, не понимая, в чем провинился перед государством. Он часто бывал в Саратове, где в то время находился центр эпидемиологов по особо опасным инфекциям.

Поездки в Пермь обязательно включали визит в альма матер, а также к профессору Сергею Ивановичу Гусеву, который уже не работал и неважно себя чувствовал. Его всегда приглашали на традиционные встречи курса, которые проходили каждые 5 лет.

Эти приезды были большой радостью для подавляющего большинства однокурсников. Сборы начинались с осени, а проходили обычно в июне. Шла оживленная переписка. Все ждали встречи, где уже маститые доктора снова на три дня становились студентами, возвращаясь в молодость. Забывались трудности тогдашнего житья, общежитские комнаты собирались вместе. Мало кому нужно было место в гостинице.

Приехавшие селились у живших в городе студенческих друзей, где можно было вместе с хозяйкой напечь шанежек и пирогов и поесть винегрета, главного блюда в молодые годы. На торжественном заседании все ждали доклада Веньки (Вениамина Викторовича) Плешкова по анкетам участников, во время которого зал заходился хохотом, смотрели старые фотографии на презентации и даже слушали по ТВ собственные интервью, только что выданные корреспонденту. Вот тут обязательно принимал участие Лева.

А приезжать стало все труднее, потому что Туркменбаши взял четкое направление на полную изоляцию. По телефону Лева говорил о значительном улучшении жизни, повышении пенсии вдвое и т.п. По приезде выяснялось, что манаты нигде не меняют, так что в Москве приходится доплачивать за билет рублями. Саша остался в Перми с семьей. Сурайя вышла замуж в Саратове. Старшие остались в Ашхабаде одни.

Тут и пришла Лева здравая мысль написать воспоминания. Написал, вернее, напечатал на машинке, два тома, переслал их однокурснице с целью издания, но это был период лихих 90-х. Она передала отцовский труд сыну, который переместился на Север. Перед очередной встречей Лева писал, что уже собрался ехать. В новогоднюю ночь он скоропостижно умер от остановки сердца. И кажется, что окажись рядом врач, этого могло и не случиться. Но пришла телеграмма, и в список ушедших была добавлена еще одна фамилия, чтобы начать торжественное заседание с поминовения друзей и

соратников.

Карьера

Утро было необычно солнечное для наших мест. Свет лился из окон на первом этаже деревянного дома, бывшего когда-то трактиром для тогдашних «дальнобойщиков», работавших на лошадках по извозу. Анна собирала на кухне посуду после завтрака. Внезапно на стол упала тень. Подняв голову, девушка увидела в окне физиономию однокурсника Жени. В угловой квартире окон было много, но на лето открывали (распечатывали) два – в кухне и в комнате. Она махнула рукой, приглашая к комнатному окну. Женя послушно переместился.

– Дай, пожалуйста, конспекты по истории ВКП(б). Завтра зачет. Опять Васин гонять будет по первоисточникам.

Это несчастье было непреодолимым. Хорошо, если не спросит, на какой странице в полном собрании сочинений Ленина такая-то цитата из Маркса. Зачет этот Аня уже сдала и выдала пачку блокнотов с конспектами в надеждах, что они больше не понадобятся. Кто же знал, что эти надежды окажутся напрасными?

Значительно позже она прочла в местной газете рассказ журналиста Роберта Белова о том, как сдавал государственный экзамен по этому предмету в университете известный писатель Лев Давыдычев. Заведующий кафедрой Я. Волин долго гонял его по билету, а потом донимал дополнительны-

ми вопросами. Наконец, он задал последний:

– Чем закончился 17-й съезд партии?

– Аплодисментами! – Двойка. Пересдача через год. И только тогда был выдан диплом уже давно печатавшемуся поэту, члену Союза советских писателей.

Вопрос был поставлен неожиданно. Обычно Волин спрашивал, как выполнила партия задачи, поставленные семнадцатым съездом. Если ответ был «с честью», то пятерка была обеспечена. А тут формулировка подвела.

Получив просимое, Женя исчез, но тут, как обычно, выступила мама.

– Это что еще за захребетники! Ты видела его краснощековую физиономию? А на себя в зеркало посмотрела? Ты сидишь целыми днями, а он твоими конспектами будет пользоваться? Постыдился бы, еще мужик называется!

Обличительная речь продолжалась бы еще долго, благо, что для оратора опасности уже не было, но Анна прекратила поток, сказав, что ей нужно заниматься. Это в доме уважалось, гранит науки можно было грызть сколько влезет, без помех.

Конспектов не жаль, потому что в коллективистском обществе, каким считался социализм в СССР, было принято делиться бескорыстно, чем беззастенчиво пользовались ловкачи. А их в обществе было, как и в любой исторической формации, число постоянное. Кроме того, Женя был не ловкачом, а второгодником, потому что не смог с трех раз сдать

основной предмет на первом курсе. А если копнуть глубже, то и школу закончить он тоже не смог, а ушел на подготовительные курсы при университете, которые были учреждены с целью помочь подготовиться в институт демобилизованным после войны ребятам. Дембеля поступали в институты в небольших количествах, поэтому на курсы брали и школьников, а те экономили целый год. Жене было трудно учиться в институте без хорошей базы, которую давала тогда обычная школа. Трояки в вузе для него сходили за пятерки. Однако надо было как-то держаться. Первым этапом было профсоюзное бюро курса. Затем пришло понимание, что, не будучи членом коммунистической партии, пробиться в жизни не удастся. Для этой цели время было благоприятным, но первым этапом была комсомольская организация, в рядах которой были однокурсники почти поголовно. Это уже много позже выяснилось, что курс наполовину состоял из детей репрессированных и раскулаченных, а затем шли спецпереселенцы из республики немцев Поволжья, из Крыма, Ингушетии и т.д. Почти у каждого был скелет в шкафу, а воякам надо было решать, кем считаться, сыном воина или участником боевых действий – где пособие больше.

Так по комсомольской линии продвигался Женя вплоть до старших курсов, где он уже вступил в ряды партии. Принимая во внимание этот важнейший факт, на последнем курсе его облекли саном секретаря комитета комсомола института. Если завистники и были, то никак себя не обнаружива-

ли. Курс был очень дружным, рабочим, а лишняя нагрузка никому не требовалась, если, конечно, не очень заглядывать вперед. Тем временем уже освобожденного комсомольского секретаря после окончания института приняли на производство. Партия постепенно растила смену, а Женя все повышался в должности. Он оставался своим парнем. Курсовые встречи проходили с его активным участием. С товарищами он встречался на равных. Анна с мужем относилась к числу друзей дома. Мама Жени происходила из патриархальной пермской семьи, которая относилась к городской элите. По традиции она хорошо знала друзей сына и всегда интересовалась их делами. Аня вспоминала, что Жене дали квартиру – трехкомнатную хрущобу с кухней, узковатой в бедрах, и прихожей, где «пьяный придешь домой – не упадешь». Он был счастлив и повторял:

– Понимаешь, как в раю! – воду не надо было таскать на третий этаж и, соответственно, выносить обратно, как это было в прежней квартире.

Наконец, настал момент, когда Женю назначили начальником главного управления облисполкома по отрасли. И тут произошел перелом. От всех посещений прежних друзей – полный отказ. Из тех, кому не закрыли доступ в дом, остался один школьный товарищ. Сначала не могли понять, что случилось с давнишним закадычным другом. А потом добрые люди объяснили, что облеченным должностью запрещены прежние знакомства. Положен только узкий круг из

его окружения. Назначенцы могут напиться и под водочку рассказать о привилегиях, которые им ниспослали. Магазины-то были пустыми. Как-то проговорилась женаина мама. Она приехала по своим делам и встретила Анну. Приветливо поздоровалась. Как раньше, спросила о жизни, о сыне. А потом тихо удивилась:

– Слушай, а как же вы живете? Где достаете продукты? Ну, у нас есть паек, мы горя не знаем, на месяц вполне хватает. А у тебя семья. Как ты управляешься?

Пришлось объяснить, что кормит семью муж, который не вылезает из московских командировок, а в дополнение служат её местные командировки в районы, где коллеги помогают добыть продукты «через задний кирильцо».

Так прошло 18 лет. Под началом Жени (Евгения Васильевича) отрасль развивалась. Никто не мог припомнить каких-то серьёзных нововведений, реформ, оптимизаций. Все шло заведенным порядком. И все было хорошо. Вспоминая старого приятеля, Анна думала, что, может быть, так и надо руководителю не дергаться и не пытаться бежать впереди паровоза, а просто выполнять текучку и не мешать делать другим, памятуя: «Чем меньше рвения, тем больше пользы».

Однако существует логика вещей и логика событий. Закон энтропии тоже пока не отменили. Настало время, когда Женю освободили от должности. На следующий день Анна услышала звонок по телефону, который подтвердил все подозрения. Женя приглашал её на домашнее торжество. Он

просил уговорить посетить его дом её самых близких друзей и спрашивал, можно ли звать еще кого-то. Повод был действительно серьёзным. И отчуждение как рукой сняло. Снова был старый друг, с которым можно обсудить свои и общие проблемы, вспомнить прошлое и помечтать о будущем. И Анна сравнила, как менялось на глазах отношение ровесницы, знакомой по музыкальной школе, по мере продвижения её карьеры вплоть до второго секретаря обкома (по пропаганде и агитации, второго лица в области) и обратно. Как ей снова стали говорить «ты», обсуждали жизнь и не вспоминали о пайках в голодные годы.

Всё же жизнь коротка. Теперь бы Жене воспользоваться свободой и пожить в свое удовольствие. Дача среди ВИ-Пов, недалеко от города. Дочь работает на кафедре. Жена – верный друг. Квартира в центре. Небольшая должность не требует после руководящей нагрузки. А домашние берегут. Сколько времени просится на дачу – не берут. А если поскандалить? Затеял крупный разговор. Уговорил. Согласились. Поехали на такси. Через пару часов появилась резкая боль в животе, потерял сознание. В 2 часа ночи жена плакала на крыльце соседа, умоляя его отвезти их в город. Сосед перед этим выпил и боялся ехать в таком состоянии. Наконец, сжалился и отвез. В клинике быстро выяснили, что расслоилась аневризма брюшной аорты, которую раньше не подозревали. Операция предпринята уже поздно. К утру все было кончено.

Школьный роман

Как давно это было! Школьный класс 21 июня 1941 года праздновал выпуск. Был веселый бал с капустником, благодарностью учителям, клятвами в вечной дружбе, объяснениями в любви, просто радостью и надеждами. Они ещё не слышали речи Молотова о начале войны.

Это были те ребята, которые на следующий день отправятся в военкомат записываться добровольцами, не ожидая повесток. Вместе со всеми шел высокий мальчик, который только вчера выяснил отношения с одноклассницей. У них появились общие планы. Сегодня надо ей сказать, что их исполнение откладывается, по всей вероятности, ненадолго – на несколько месяцев, ведь воевать мы будем на территории захватчиков! Так думали тогда многие. Перед отправкой на фронт девушка обещала ждать.

Прошло четыре года. Вернулись немногие. Нашему мальчику повезло. Он остался жив, а девушка его дождалась. Сильно поредевший класс собрался вместе, чтобы отметить возвращение уцелевших. Мальчики превратились в много испытавших мужчин. Девочки к тому времени учились в институтах или работали. Некоторые уже вышли замуж. Вот, например, Инна, муж которой намного её старше. Ему уже 53 года, он профессор, как и её отец. У нее есть младший брат, который не воевал. Она не выглядит счастливой, но в

те времена ответственность и долг нередко преобладали над счастьем. Наш герой подошел к ней, и его словно ударило током. Вот же она, та, которая станет единственной. Он сразу забыл, что его ждет другая, что эта – замужем. Всё показалось совершенно неважным. Самое примечательное, что и с ней приключилось что-то похожее. Вот и учились 10 лет в одном классе, а разглядели друг друга только сейчас.

Вскоре Инна ушла от мужа. Неважно, что писать диссертацию пришлось в одной комнате без удобств, к которым она привыкла с детства, с нехваткой денег. Общество не одобрило её поступок. Отец в гневе. Переживем. Главное, что любовь настоящая. Только вот чувство долга не дает покоя. Как там брошенный муж? Кто ему готовит еду? Есть ли на каждый день чистая рубашка? Надо пойти и выяснить, что там. И пошла. Позвонила в дверь. Она открылась. В коридоре стоял профессор с охотничьим ружьем в руках. Выстрел в её лицо, затем в собственную голову.

Выстрелы прозвучали на весь город. Похороны участники запомнили на многие годы. Горе надломило отца. Теперь у него был только сын. Наш воин остался один. Одинокó прожила жизнь его первая девушка.

В это время от тяжелой сердечной патологии умирал муж у преподавательницы одного из вузов. Судьба её тоже сложилась тяжело. Старшая дочь – инвалид и младшая дочка на руках. Гибель единственного сына. Вот и встретились два одиночества, потеряв своих половинок. И всю оставшуюся

жизнь они прожили вместе, деля и радости, и невзгоды. Он помог воспитать младшую и её многочисленное потомство и был всегда папой и дедом. Семья стала родной. Она осталась такой и после смерти жены, человека очень достойного. Судьба если и не улыбнулась, так хотя бы не добила, как происходило не раз со многими.

Через много лет на курсах усовершенствования встретились две женщины, которые помнили друг друга по институту, Аня и бывшая старшекурсница. Старшая как будто долго ждала подобной встречи. Ей некому было поведать о самой большой драме в жизни. Несколько вечеров она рассказывала молодой коллеге о том, как встретила свою главную любовь. Он – брат Инны, профессорский сын, красавец, музыкант и талантливый специалист. Она – аспирантка без роду-племени и «мохнатой лапы». Довольно быстро завязались близкие отношения. Серьезных намерений он не проявлял. Когда она попробовала прозондировать почву, выяснилось, что родители будут категорически против. И потянулись долгие дни с надеждой, перемежающейся полным отчаянием. Девушка пыталась порвать связь, завела знакомство с приезжим режиссером. Любимый на это как-то вяло отреагировал, а режиссер умер во время свидания. Скандал долго обсуждали досужие кумушки. Героиня была вынуждена покинуть город. Она не пропала, а хорошо устроила свою жизнь. Защитила диссертацию, нашла хорошую работу. Вышла замуж. Родила сына. Казалось бы, все в порядке. Только

в редкие свободные часы появлялась тоска. И делами бывшего друга она всегда интересовалась.

А молодой человек уверенно шел по жизни. С карьерой тоже было все в порядке. Работа в столице. Достигнута первая ученая степень, материал набирается для второй. Жена – балерина, так что общение с людьми искусства тоже по полной программе. С каким удовольствием он вспоминает свой город, музыкальную школу, ансамбль с друзьями на двух роялях на выпуске. Один из его партнеров тоже в столице и занимается очень интересной новой проблемой. Из всех неприятностей только зуд от родинки на спине. Небольшая неприятность оказалась меланомой, одной из самых злокачественных опухолей. Метастазы в головной мозг. Гибель в 32 года. Старый профессор остался один, больной, никому не нужный и совершенно не приспособленный к жизни.

– И когда я узнала, что мой любимый умер, после первого удара мне как будто стало легче. Я уже ничего не жду и понимаю: закончилась эта постоянная боль. Больше ничего не будет. Теперь я перестану страдать. Я свободна! – закончила она.

Персонал отделения травматологии. 1955 г.

Ортопедический стол для наложения кокситной гипсовой повязки.

«Комсомольская правда», 2014 г.

В операционной. 1982 г.

Молодой врач с больными .1954 г.

Внимание!

Шел 1969 год. В медицинском институте был настоящий бум. Впервые в городе была объявлена конференция, да не какая-нибудь, а всесоюзная, по хирургии. Начальство ожидало приезда корифеев. Но и к простым делегатам требовали проявить максимум внимания. Подготовка была долгой, и как часто бывает, местами бестолковой. Анне досталась должность секретаря. Она не знала, что весь оргкомитет после окончания форума будет свободен, а секретарь еще будет вкалывать неопределенное время. У всех все было впервые. Заправлял подготовкой новый проректор по науке, который заведовал соседней кафедрой.

Началась работа с транспортной группы. На железнодорожном вокзале, в аэропорту и на пристани стояли, сидели, бегали встречающие в течение двух суток. Всех отвозили в автобусе и на машинах, и следующие ответственные селили их в гостиницах. На банкете слегка подвыпивший делегат умилялся:

– Я ведь из Сибири, из районной больницы. Нигде еще не был. Боялся – а вдруг приеду и не буду знать, куда идти! А меня на вокзале девочки у вагона спрашивают: «Вы делегат?» и прямо ведут в автобус. Вы такие молодцы!

И когда какой-то товарищ из Москвы заявил претензию, что с вокзала его привезли на автобусе, а не в автомобиле,

главный хирург области, оказавшийся рядом, отбрил его без дипломатии:

– А когда я в вашу Москву приехал на Всесоюзный съезд, меня не только не встретили, но и в гостиницу поселили только на второй день. Так что надо совесть иметь! – Он был абсолютно прав. Столица никогда не страдала от лишней заботы о делегатах любых съездов.

Главной проблемой секретаря было отметить, кто приехал с докладом и кто будет говорить из списка авторов сообщений. Заседание проходило во дворце с большим залом, делегатов была пропасть. Опыта не было никакого. Во время заседания надо было делать объявления, а в перерывах отвечать на вопросы, где тут туалет, куда пройти в буфет и как найти потерянный обратный билет. За кулисами её вычислил мужичок и попросил отдать его письменную просьбу главному хирургу федерации. Она сунулась было к Виктору Сергеевичу Савельеву. Он взглянул на бумагу и буркнул:

– Пошли его к чертовой матери.

Встал вопрос, как это сделать. Не посылать же по тексту! С трудом объяснила, что начальник занят. Потом оказалось, что это психически больной человек, который уже давно преследует главного хирурга по всей стране с какой-то несуразной жалобой.

«Показушная техника» в это время ограничивалась демонстрацией диапозитивов через проектор, чем занимался оператор, который мог что-то напутать, но это делали с боль-

шим успехом и сами выступающие. Секретарю приходилось стоять в кулисах и по программе отмечать, кто делает доклад. По недостатку опыта в программу внесли всех, кто прислал тезисы. Некоторые не приехали, а если и приехали, то не выступали. Похоже, что в основном отметить все удалось. К концу второго дня секретарь еле таскала ноги от усталости. Наконец всё закончилось. Не для всех. В повестке значилась лекция профессора Огнева из Москвы. Совершенно одуревшая Анна собралась домой.

– Ты куда это направилась? – спросил её старинный ещё с детской музыкальной школы приятель, ныне проректор и завкафедрой.

– Домой, Юр! Сил нет!

– А ты Огнева когда-нибудь слышала?

– Нет.

– Возвращайся, иначе себе не простишь!

Аня подумала и вернулась в зал. Коллега был прав. В течение двух часов она с изумлением слушала настоящий вертоград из самых разных областей науки и техники: о лазере и мазерах, о симметрии в природе, о том, куда зачесана грива у лошади Пржевальского, и ещё о многом, не имеющем никакого отношения к хирургии. Значительно позже она прочитала, что в 1938 году доктор Огнев защитил кандидатскую диссертацию по хирургии, а потом сел на трамвай и поехал в другой институт, где в тот же день защитил докторскую диссертацию по биологии. Так ли это было – на совести автора

статьи, но очень похоже на правду. Всю жизнь он попеременно проявлял интерес к самым разным отраслям науки, куда попала и дикая лошадь, которую он наблюдал в экспедиции, и которая должна была удовлетворить его любопытство в отношении симметрии. Она подумала, что даже если рассказ о защитах диссертаций был выдумкой или преувеличением, он как нельзя лучше соответствовал натуре экстравагантного лектора.

Перед конференцией проректор предупредил секретаря, что ей надо будет писать отчет для журнала «Хирургия». Она тщательно подобрала все материалы и собралась писать. Тут позвонил главный организатор и приказал немедленно отдать все его доценту. Девушка вздохнула с облегчением, поехала на кафедру, нашла доцента и вручила ему пакет из рук в руки. Свидетелей при этом вблизи не нашлось. Как оказалось, к большому сожалению.

Прошел месяц. Позвонил проректор и спросил, где отчет. Его надо было подать вчера. Секретарь сообщила, что все бумаги у доцента, как он велел.

– А он сказал, что ты ему ничего не отдавала.

Такой беспардонной лжи она никак не ожидала. Ей было известно, что доцент – запойный алкоголик, но ему все сходит с рук, потому что он «писучий» и очень нужен начальнику. А ей что делать? И не докажешь. Самое страшное было в том, что не было дубликата. Бедолаге и в голову не пришло сделать копию. Вот так, милая, век живи, век учишься, а кем

помрешь – соседи скажут. При таком большом количестве докладов совершенно невозможно запомнить, кто выступал. Тезисы – вот они, под рукой. Но как будет выглядеть сообщение: «Такой-то делал доклад, в котором...», а он вовсе и не выходил на трибуну. Делать было нечего. Надо писать, а там – будь что будет. Начальник предупредил, что двое его доцентов отбывают завтра на специализацию в Москву и увезут материалы в журнал.

– Так они же еще в рукописи.

– Секретарю кафедры срочно отпечатать. Проректорскому.

Завтра Анна прибыла на кафедру с половиной машинописной рукописи, вторую половину печатали и подкладывали к первой. Доценты торопились на поезд и переодевались после операции до плавок прямо при ней. С последним рывком пошел последний лист. До свидания.

Но и теперь для секретаря конференции ничего не кончилось. Она – неисполнительный и рассеянный работник. Доверять ей нельзя. Она обманула начальство, сказав, что передала материалы. Не дай бог, кто будет читать отчет в журнале и найдет себя в списке выступавших. А ведь можно было сообразить и представить содержание конференции в целом по тезисам. Поздно догадалась. Хорошо, что у начальника не было времени просмотреть отчет. Он таки вышел в журнале, одном из двух центральных по хирургии в то время. Никто ни разу не сказал ни единого слова. Пронесло.

А теперь мораль сей басни. Как говорил профессор Я.К. Асс: «Главное в нашем деле – оставлять копии». Свежий пример: звонок в воскресенье утром ректора института и председателя областного общества хирургов по поводу письма из Москвы с требованием представить отчеты пермского общества за последние 5 лет. Они у секретаря всесоюзного общества отсутствуют. Уже побывавшая в огне и воде, секретарь областного общества едет в клинику, достает вторые экземпляры, т.е. копии, отчетов с подписью председателя и прикрепленными квитками с почты. Доказательства доставлены домой ректору. Тот смотрит, лицо его смягчается, и он отдает пас:

– Ну, что ты хочешь? Председатель – старик, он уже ничего не помнит. Что такое склероз, знаешь? – Слышала. Опять обошлось. Благодаря копиям.

Вторая мораль – не наступай очередной раз на те же грабли. Правда, могут оказаться и новые. Но теперь учитывай, с кем ты имеешь дело. И помни, что начальству плевать на правду или истину. Ему важно, чтобы приказ был выполнен. Поэтому не пытайся доказывать, что ты не верблюд. Лучше попробуй сделать задание по возможности хорошо, чтобы и ты, и другие не пострадали. Они этого не оценят, не жди, но сам не будешь чувствовать себя последним лохом.

Об этике в коллективе

Отношение к Анне у шефа внезапно резко ухудшилось.

Как работает начальство (если оно действует, а не только ходит на службу)? Правильно, при помощи информации о коллективе. Кто эту информацию доставляет? Тоже правильно, члены того самого коллектива. Каковы пути и способы доведения сведений? Способы различные в зависимости от многих причин.

Один из наиболее простых – организация свары среди работников. Во время очередного скандала выплывают на свет божий самые потаенные причины неудач одних и, соответственно, подарков судьбы другим. Такие междусобойчики возникают, например, на утренних оперативках в учреждениях, где легко спровоцировать небольшую дискуссию, во время которой проясняются многие вопросы. Надо только хорошо изучить личности, составляющие коллектив. Известно, что любое человеческое сообщество состоит из определенных типов, среди которых обязательно имеется формальный лидер, который в основном происходит из горлодеров, и неформальный, определяющий главное направление деятельности. Последнее осуществляется рабочими лошадками и генераторами идей. Генераторы сами сделать то, что придумали, как правило, не в состоянии, либо от лени, либо от неспособности к конкретному труду. Вот поэтому

и нужны исполнители, которые думать не умеют, зато хорошо делают то, что прикажут. Сбалансированный таким образом коллектив может свернуть горы. Это к вопросу о вреде уравниловки и против равенства. И ещё, как любил говорить один высокопоставленный руководитель: «В каждом хорошо организованном коллективе должна быть своя стерва».

Следующий метод получения информации – прямое доносительство, которое нередко осуществляет вышеупомянутая стерва. Чаще она это делает бескорыстно, из любви к искусству, в другом варианте способом доведения сведений до начальства пользуются те, в чьей груди «стучит пепел Клааса», то есть горит месть. Здесь хороши все методы, от доноса до самой мерзкой сплетни. Чем хуже, тем скорее поверят. В одном коллективе был запущен слух, что рядовой трудяга метит на место заведующего. Народ был возмущен. Кто-то упрекнул ничего не подозревающего «претендента» в неподобающем поведении. К чести отдела, они собрались вместе и задали ему вопрос, на который он ответил, что и в мыслях подобного не держал. Ему поверили сразу. Но, чувствуя неприязнь, он уже подал заявление об уходе. Отдел лишился хорошего работника. Кто же «бросил в общество ужа»? Бывшая заведующая, которая не могла успокоиться по поводу своего отстранения от должности.

У начальства появляются проблемы, когда он попадает в новый коллектив. В этом случае возникает необходимость «фильтровать базар». Сложно бывает сразу оценить объек-

тивность доноса. Руководитель может попасть в неприятности, если поверит любому слову информатора. Но надо это учитывать и аборигенам учреждения, куда пришел новый начальник, да ещё со своей командой.

В коридоре отдела две немолодые дамы громко обсуждают положение дел после смены руководства. К ним подходит молодой человек из вновь прибывших и негромко говорит:

– Извините меня, пожалуйста! Я слышал, что вы обсуждаете. Прошу вас, не говорите никогда при наших ни одного слова. – Немая сцена. Дамы, воспитанные в других правилах, в изумлении. Они привыкли говорить, что думают. Молодой человек ушел. Публика рядом тоже рассосалась. Через некоторое время подтвердилась правота доброжелателя.

Следует учесть, что разбираться, кто прав, а кто виноват, начальство не любит. Оно поступает так, как в настоящий момент выгодно ему. Так потерпел не один невиновный, и погибла не одна добрая репутация. Руководитель слабый пытается избавиться от профессионалов и окружает себя серенькой массой, чтобы хоть как-то выглядеть на их фоне. Есть и такой прием – набрать в коллектив субъектов с некоторыми дефектами, чтобы было за что их держать. Чаще всего это вдумчиво пьющие личности. Они рано или поздно теряют качество и вынуждены любым способом, чаще недостойным, удерживаться на плаву. Аня вспоминает, как поразила её вновь пришедший научный сотрудник:

– Слушь! Я вчера нашел английскую статью по нашей те-

ме. Шикарная статейка! Переведу, подставлю наши цифры – будет отличная публикация.

Такая постановка вопроса воспитанному в правильных традициях человеку показалась совершенно дикой. Но тут пришел на память и недавний «финт» этого товарища. Он поместил одну статью в два основных журнала с паузой в два месяца. Это сошло ему с рук. А теперь он начал расчищать вокруг себя пространство, подставляя неугодных ему сотрудников.

Бывают особи, которые занимаются мелкими и крупными пакостями систематически. Это уже черта характера. В давние времена в одной из крупных клиник трудился хороший хирург, которому вовсе не надо было завидовать кому-то в профессиональном плане. Но, увидев в приемном покое родственников уже оперированного другими больного, он обязательно подходил к ним и сообщал, что этого пациента искалечил его оператор и он на их месте этого бы так не оставил. Было заведено не одно судебное дело. При этом провокатор прекрасно знал, что из его козней ничего не выйдет, но с упорством, достойным лучшего применения, продолжал в том же духе и так долго, что его откровенно начали бояться.

Пишут, что во времена ренессанса большого террора (1946 – 1948 годы) благодаря доносу ученика, которого он так выдвигал, был арестован выдающийся хирург, первый скальпель в мире, профессор Сергей Сергеевич Юдин. Доносчику захотелось занять его место. Он воспользовался

безотказным в то время способом. Но занять его место – это не значит получить и его качества. Вероятно, прав был персонаж из «Человеческой комедии» Бальзака ростовщик Гобсек: нет ничего более неприятного для человека, чем чувство благодарности. С.С. Юдин остался жив в тюрьме и лагере, правда, без зубов и со сломанным бедром. Он умер от инфаркта через полтора года после освобождения. А вот ученый-биолог с мировым именем Н.И. Вавилов умер от голода в тюрьме в начале войны, куда его упёк тоже ученик, обязанный ему всем, Т.Д. Лысенко. Оба доносчика покрыты позором, но только после смерти, а при жизни им удалось наворотить еще много.

Большое значение имеет и личность самого босса, особенно его пристрастия. И здесь на первом месте интерес к противоположному полу. В одной из известных в стране столичных клиник заведовал кафедрой не менее известный академик. Его интерес к женскому полу простирался настолько широко, что сотрудники характеризовали этот феномен следующим образом:

– Совершенно неважно, какой статус был у объекта, начиная от техничек, лишь бы соответствовал анатомическим требованиям. Для осуществления действий использовалось все: кабинет, перевязочная, кладовка....

Самое тяжелое для остального персонала было то, что на следующий же день метресса начинала воротить делами на кафедре. Продвигались приближенные к ней, удалялись про-

тивники и т.д. Поскольку эти симпатии очень быстро сменялись новыми, для коллектива это было очень обременительно. Сразу припоминаются другие случаи, когда близкие к телу дамы, чьей задачей нередко было приобретение ученого звания через диван в кабинете, в буквальном смысле руководили и кадровой политикой.

Другим опасным качеством шефа был возраст. Если припомнить, то в истории науки известны только несколько случаев добровольного расставания с высокой должностью. Профессор Мойер в Дерпте уступил свою кафедру Н.И. Пирогову. Академик П.А. Куприянов (русский лорд, как его называли за границей), понимая близость финала, призвал начальника Военно-медицинской академии и попросил его назначить заведующим кафедрой после него А.П. Колесова, что и было исполнено. В остальных случаях пожилой контингент держался до последнего патрона. Профессор К. в Военно-медицинской академии неизменно отправлял в дальние округа всех сотрудников, у которых были готовы докторские диссертации, которыми он же и руководил.

Трудной была жизнь у высококлассных хирургов на кафедре, где заведующий не блистал оперативной техникой. Приходилось «симулировать некомпетентность». Безопаснее всего было ходить в операционную во время отсутствия начальства в городе.

Если вспомнить, то это явление вечное.

Среди доносчиков нередко были и оголтелые карьеристы.

Эти и отца родного не пожалеют ради достижения своей заветной цели. В одном из институтов был уже немолодой доцент, который неуклонно стремился к заведованию кафедрой. Правда, не ладилось с докторской, которую как ни пыжился, а сочинить никак не мог. Он в открытую радовался, когда очень перспективного и блистательного молодого профессора выжили по «политическим» причинам в годы «ренессанса» репрессий в 40-х годах. Кафедру удалось занять, однако и тут покоя не наступило. В период борьбы с «низкопоклонством перед западом» и «безродными космополитами» он накатаł донос на видного деятеля горисполкома, выдав белорусскую фамилию за «космополитическую». Слушатели покатывались со смеху, когда участник событий повеествовал об этом в лицах.

Доцента пригласили в исполком и предъявили ему машинописный экземпляр доноса.

– Это ваше произведение? – задал вопрос представитель компетентных органов.

– Да что вы? Как можно? Да разве я когда-нибудь? Да ни в жизнь!

– Ну, во-первых, в городе очень мало машинок у частных лиц. Этот текст напечатан на вашей машинке. Вот акт экспертизы.

– Да я и печатать не умею!

– А кто печатал? Может быть, ваша жена?

– Да вы что? Да мы с Марьей Ивановной всю жизнь плечо

к плечу!

– Попросите из соседней комнаты Марию Ивановну! Скажите, это вы печатали?

– Да, я! Но под диктовку мужа! – Немой сцены не получилось. Доцент повалился в обморок. Скорая помощь. Госпитализация с диагнозом: инфаркт под вопросом. Правда, вскоре всё обошлось и с инфарктом, и с карьерой.

Бывают индивиды, которые сразу производят впечатление фальшивых. Аня вспомнила о даме, которая всё время работы в клинике избегала самостоятельных операций, хотя претендовала на звание хирурга. Ей пришла в голову мысль о том, что фальшивыми у той были имя и фамилия, «родители», у которых она просто жила на квартире, и чужой жених, за которого она вышла замуж. Она писала правой рукой, кстати, почерк у нее был превосходный, но передвигать её при письме не могла и помогала левой рукой. Значит, она просто не могла оперировать, но сознаться в этом не хотела. Фальшивой оказалась и её специальность. Она считалась фронтовым хирургом. Наверное, и там умудрялась лавировать, а может быть это была травма, но в этом признаться она не могла даже на страшном суде.

Судьба играет человеком

На кафедре освободилось аспирантское место. Молодой специалист, проучившись год, срочно уехал в другой регион. Шеф призвал Анну и повелел найти кого-нибудь для замещения вакансии. После нескольких звонков нашелся заканчивающий ординатуру на другой кафедре выпускник института, который мечтал о научной работе. Его начальство не возражало. Так в коллективе появился новый молодой кадр. Первое время он общался в основном с Анной, считая её своей благодетельницей. Скоро выяснилось, что он тамбовского происхождения, т.е. почти земляк. Это значительно расширило тематику бесед, а тут и назначена была тема диссертации в области детоксикации. Ведение больных с тяжелыми сопутствующими состояниями в послеоперационном периоде требовало серьезных мер по улучшению обмена веществ и удалению токсинов из организма. Среди новых методов обозначилась перфузия крови больного через органы животных, в частности, через селезенку свиньи. Известно, что именно у этого животного строение и функции внутренних органов больше всего соответствуют человеческим. Наладили взаимодействие с городской бойней и освоили применение свиной селезенки для очищения крови при тяжелых осложнениях. Иногда вводили и раствор (перфузат) для стимуляции собственных резервов больного. Этот ме-

тод наш заведующий курсом реанимации называл «переливанием рассола», не одобряя сомнительную с его точки зрения манипуляцию. Возможно, что он был недалек от истины, потому что нередко наблюдались аллергические реакции на «рассол». Недаром сын Анны назвал его «свиносорбцией», а процедуру – «подложить свинью». Её перестали применять в лечебных целях, как позже и весь метод в целом.

Диссертация всё же была завершена, и защита состоялась в положенный срок. Все это время Анне пришлось тесно общаться с её подопечным. Он считал свою покровительницу наставницей. Она помогала ему с работой. Да и в житейском смысле он часто просил совета или просто делился своими проблемами. Долгое время он не расставался с мыслью проехать на машине до тамбовских мест с ней и еще одним земляком. Анна после с сожалением вспоминала об этом несостоявшемся путешествии. Молодой кадр вписался в коллектив и по части, как теперь сказали бы, связей с общественностью. Он был членом разных комиссий, работал со студентами по линии деканата. После защиты его провели по конкурсу ассистентом кафедры. В общем, жизнь наладилась. И все было бы в ажуре, если бы не характер начинающего хирурга, который требовал значительного расхода адреналина. Молодой человек был личностью контактной и постоянно заводил новые знакомства. В советские времена контакты были теснее, с частыми посиделками, взаимопомощью и, конечно, выпивкой. Появилась дама сердца. Познакомился

с видимым руководителем в облысполкоме. Того вскоре перевели в одну из южных областей. Он пообещал взять нашего героя с собой в качестве руководителя медицинской службы большого подразделения. Претендент на весьма престижную должность немедленно поделился радостью с Анной и начал паковать чемоданы. Как старшая по возрасту и кое-что повидавшая в этом лучшем из миров, Аня пыталась умерить его восторги. Она сообщила ему, что на юге живет несколько отличный от уральцев контингент. Он будет среди них чужим. На желанное место давно метит не один кандидат из своих. Если даже ему и удастся попасть туда, его немедленно скушают и даже не поморщатся. Все эти аргументы отскакивали как от стенки горох. Так он сидел на чемоданах года три, пока благодетеля не перевели обратно.

Был у него и талант, который доставлял удовольствие не только ему, – «зеленые руки». Все, что он сажал в землю, начинало немедленно колоситься. На окнах в кабинете и дома цвели необыкновенные цветы. Жимолость, купленная им, как полагается, трех сортов, немедленно дала на даче у Анны урожай. Семена из экзотических плодов только у него прорастали в горшках. Растения действительно различают людей по отношению к себе. И ведут себя соответствующим образом.

Володя, конечно, стремился завести и интересные знакомства. В Перми открылся необычный театр, с режиссером которого он подружился. Новый знакомый и стал пер-

вым свидетелем начала его несчастий. Конечно, они не стали неожиданностью. Холостяцкое житье молодого и по тем временам обеспеченного человека имело и другую сторону: вольная воля, делай, что хочешь, обязательств никаких. Работа достаточно интенсивная, посему необходимо расслабиться. И расслаблялись. Попытки со стороны Анны урезонить молодца встречались с добродушным непониманием – всё же в порядке! А тут возможности потусоваться в богемной среде! А докторская никуда не уйдет. Вот пройдут события (выборы, экзамены, форум и т. д.) – тогда уж и начнем. И как-то в состоянии некоторого восторга на улице он поскользнулся, упал и крепко приложился головой к бетонной ступеньке. Друг-режиссер помог ему добраться домой. Он остался один, и соседи снизу обратили внимание, что в его квартире постоянно падает что-то тяжелое. Вызвали скорую. Вскрыли дверь и узнали, что он пытался неоднократно добраться до телефона. Скорая увезла его в клинику. На рентгене обнаружился вдавленный перелом черепа. Экстренная операция. На следующий день он отправился покурить в ординаторскую анестезиологов. Анна обратила внимание на неадекватность поведения и спросила его подругу, пришедшую с визитом, собирается ли она его забрать после выписки к себе. Та ответила без колебания утвердительно. И сразу подумалось – поторопилась. Было абсолютно понятно, что последствия будут весьма неутешительные. Естественно, что после приезда сестры-врача это намерение повисло

в воздухе. С психикой явно было что-то не то. Сестра забрала его к себе в Тамбовскую область. Там определили группу инвалидности. Он жил с мамой, мечтал вернуться на работу, вместе с ней даже приехал в Пермь, но уже в совсем неадекватном состоянии. По телефону сестра сообщила, что у него резко изменилось отношение к родительнице. Он стал агрессивным, порой невменяемым. Психиатры помочь оказать не смогли. В какой-то тяжкий момент он убил мать. Уголовной ответственности он не подвергался. Вскоре по дороге куда-то он упал и умер. Так закончилась жизнь подающего надежды молодого человека.

Внедрение информатики в медицину

Эра информационных технологий нагрелась на Урал в начале 60-х годов. Где-то наверху решили, что в Перми следует создать НИИ информатики с целью разработки методов управления производством, которого в городе – хоть лопатой гребь. Дело было абсолютно новым. Как всегда, для начала следовало создать кадры. Для этой цели выделили трехкомнатную квартиру в одной из хрущоб. «Создали» директора и главного бухгалтера, который для начала занялся проблемой кадров, записывал желающих в реестр и выдавал путевки на трехмесячную первичную подготовку аж прямо в Тбилиси, где такой институт уже действовал. Кадры набрались очень быстро. За три месяца в Грузии они получили некоторое понятие о предмете и возвращались с энтузиазмом, потому что это была преимущественно молодежь, закончившая университет. Математики, физики, филологи рвались заняться новым делом. Когда основной костяк сформировался, институту выделили нижний этаж новой хрущевской пятиэтажки в Мотовилихе, где большую часть площади занимала новейшая счетная машина. Поскольку она работала на основе двоичной системы и требовала дополнительного оборудования, то у завхоза появилась новая забота.

Он сидел, пригорунившись, и громко сетовал на жизнь:

– Заведующему отделом математического обеспечения надо два миллиона двоичных знаков. Это много! Это очень много! Зачем ему столько? – этот «плач Ярославны» предполагал сэкономить половину, то есть взять вместо двух положенных приборов один. На одном машина не работала. Ещё она зависела от электричества. Если его ночью выключали, то вся суточная работа шла насмарку.

Как положено, в работающий институт послали нового директора, которого перевели с завода в порядке ротации кадров. С ним прошли по собственному уже семиэтажному зданию, возведенному методом «народной стройки». Он поудивлялся «до чего наука дошла», а потом заявил:

– Сложно тут у вас, ребята! Вот у нас на заводе было проще. Тут турбины, а там лопатки. И всё!

Впрочем, не отставали и «малые начальники» – руководители отделов. Один из них упорно писал «едЕница», а второй жалился, что мало у него «лингвинистов». А институт тем временем стал головным в Союзе. Правда, через 50 лет бывших сотрудников пригласили на юбилей уже не существовавшего учреждения. Два корпуса распродали по комнате для разных офисов, а затем купивший их уже оптом предприниматель, мыслил, что с ними делать.

Ну, медики тоже не лыком шитые. Кто-то сказал, что в науке столько науки, сколько в ней математики. Статистическая обработка полученных результатов все равно нуж-

на. И стоматологи, первые в медицинском институте, «нарыли» новый метод обработки полученных данных при помощи перфокарт. Способ был довольно трудоемким. Надо было разработать перечень вопросов и забить их в карту на плотной бумаге с двойным рядом отверстий по краям – сделать таким образом болванку. Затем следовало заполнить на каждого больного или эксперимент такую же карту, каждый случай еще раз изучить и прорезать специальным компостером проходы к отверстиям, соответствующим вопросу. Дальше весь массив складывали стопкой с болванкой сверху и в нужном месте проводили спицу. После встряхивания выпадали карточки с искомым признаком. Это был безусловный прогресс для обработки большого материала, но он требовал скрупулезной работы и навыка. И все это надо было рассказать в студенческом общежитии по линии общества «Знание» с целью продвижения науки в массы.

Против прогресса не попрешь. Подобные лекции в обязательном порядке должны были читать преподаватели института в общежитии. Студентов, которые не успевали в общаге затаиться, сгоняли в ленинский уголок, где лектор приобщал их к новому в науке.

Кандидат-ассистент в лице Ани очень старался. После окончания лекции домой шли вместе с молодым профессором-травматологом. Он сказал, что метод ему понравился, а изложение напомнило анекдот:

В высокогорное село направлен пропагандист по линии

общества «Знание» с лекцией о международном положении. Читать пришлось на пастбище. Чабаны, сидя на траве, слушали внимательно и курили трубки. После окончания докладчик попросил задать вопросы. Вопросов не было. Сопровождающим был секретарь райкома. Он отвел лектора в сторону и сказал:

– Дорогой! Вопросов не будет. Они по-русски не понимают. Про международное положение они знают, у них приемник есть, наше радио слушают. А ты мне вот что скажи: ты канпет подушечка знаешь? Объясни, дорогой, как туда по-видло попадает?

Публикации

В 50 – 60-е годы прошлого столетия с публикациями были большие сложности. По хирургии было только два главных журнала – «Хирургия» и «Вестник хирургии». И в тот, и в другой была двухгодичная очередь. Кроме того, было опасно излагать свои, особенно новые, данные. Акулы медицинского пера моментально хватали все, что плохо и даже хорошо лежало, и публиковали под своим именем. Так случилось со статьёй профессора Минкина о синдроме Элиссона–Цоллингера. Это было первое сообщение о двух случаях на русском языке. Из «Хирургии» пришел отказ ввиду неактуальности проблемы. Через номер вышла статья из Центра хирургии с описанием одного больного. Даже сотрудники обиделись, не говоря о шефе.

Задержка с публикациями обернулась застоем с защитами диссертаций после того, как вышел указ об обязательных печатных работах. Вот тут пришлось развернуться с самодельными сборниками работ. Пошел вал макулатуры.

Взаимодействие медицинской печати с ВАКом напоминает борьбу снарядов с броней. В ответ на ужесточение требований руководителей от науки появляются все новые формы защиты. При исследовании «антиплагиата» политехники быстро додумались ставить одинаковые с латинским гласные буквы в английском варианте. Компьютер терял ображе-

ние. Всё сходило с рук.

Требования к работам принимают и анекдотические формы, хотя это они для зрителей забавны, а для авторов – трагедия. На кафедре способный аспирант вовремя заканчивает диссертацию и должен представить статью в центральном журнале. Как хорошо воспитанный товарищ, он первым в авторском коллективе ставит шефа, затем действительного руководителя, сотоварищей по клиническим исследованиям и себя последним. Из журнала звонок. Молодой бодрый мужской голос объявляет, что у них сейчас правило – только четыре автора. Пятого, т.е. его самого, вычеркнули.

Подобную историю изложил докторант из одной республики, который раньше защищал кандидатскую диссертацию после аспирантуры в Москве в Научном центре хирургии. Для защиты его кандидатской была необходима статья в центральном журнале. Он её написал и отнёс к заведующему отделением, в котором работал. Профессор прочел, остался доволен и поставил свою фамилию впереди. Затем они отправились к руководителю работой, и он тоже одобрил статью и поставил впереди свою фамилию. Далее надо было завизировать произведение у заместителя директора по научной части, членкора АМН, который, похвалив, проделал ту же процедуру. Естественно, что без ведома директора института посылать работу в печать было нельзя, поэтому пошли к нему, где история повторилась. Но тут начальник заинтересовался:

– Послушайте, здесь два профессора, членкор и академик.

А это кто такой?

– Так это автор, аспирант. Вот он.

– Ну, так уберите его.

– Простите, но мне статья нужна для защиты!

– А ты сам-то видишь, куда ты затесался?

Аспиранта вычеркнули, статья вышла от солидного коллектива, а автор принялся за новое произведение.

Студенческий кружок

Зачем студенты ходят в кружки при кафедрах? По нескольким причинам. Кто-то уже в младшем возрасте выбрал себе специальность. Другой заботится о будущем экзамене. Третий пришел заодно с друзьями. Еще кто-то ищет себя. На первое заседание приходит человек 20, в том числе и первокурсники. Позже остается намного меньше уже постоянных энтузиастов. Анна припоминает только один случай, когда первокурсники остались на всё время. Двое мальчиков сидели всегда на заднем ряду, и когда она задала им вопрос, оба, решив, что их выгонят, взяв портфели, поднялись, чтобы выйти. Анна успокоила их и пригласила ходить, если им хочется. Пока они не все понимают. Так ведь можно и спросить. Ребята остались. Начиная с третьего курса, один из них стал старостой кружка. Недавно он принес ей автореферат докторской диссертации после защиты в Москве, где она и была написана. Второй защитил кандидатскую в родном институте.

Кружок Анне достался еще при прежнем шефе. Со студентами было интересно. Она – молодой ассистент, энтузиазм – обоюдный. Была возможность организовать операционные дни, вернее, вечера. Когда пришел новый шеф со своей командой, кружок поручили другому преподавателю. На его занятиях ей не понравилось все. Главным образом, руко-

водитель не нашел верного тона со слушателями. Дело стало разваливаться. Подростало своё чадо. В одиночку его наставлять смысла не было. И тогда она придумала секцию кружка, чтобы не обижался предшествующий «ведущий».

На секцию по гепатологии вначале пришло 8 человек, в основном одноклассники сына. К концу года разрослись до 20. Начали изучение с нормальной анатомии, но каждое заседание открывалось демонстрацией и клиническим разбором больного, а заканчивалось обходом в отделении реанимации, тогда еще шестикоечном. Имело это значение или нет, но сын пошел по пути реаниматолога, двое из его группы отправились на скорую помощь. Задания на занятиях кружка усложнялись. К старшим курсам дотопали до современных представлений о патологии уже по новой и зарубежной литературе. Возникла опасность, что ребята проявят эрудицию на экзаменах. Пришлось предупредить, чтобы отвечали сугубо по методичкам и не ставили экзаменаторов в неудобное положение. Эта команда на заключительном банкете после окончания института подошла и спросила, не обижается ли их преподавательница, что ни один из них не пошел в хирургию. Анна заверила их, что она сразу знала, как это будет.

– А мы только сейчас поняли, что Вы знали!

– Моей, ребята, задачей было научить вас мыслить. А в какой специальности вы это будете делать – уже ваши проблемы.

Известно, что весьма плодотворна работа на стыке специ-

альностей. И тут большую роль сыграла девочка-первокурсница, которая поступила в институт только на четвертый раз, до этого работала лаборантом на кафедре патанатомии и была там с первого занятия старостой кружка. Работа шла совместно. Ребята привыкали к объёмному взгляду на патологию, что придавало больший интерес и развивало клиническое мышление. Этот период был очень плодотворным, а закончился позже защитами кандидатских и докторских диссертаций, одну из которых сделала та самая «непринимаемая» студентка. Она теперь заведует кафедрой в филиале московского института.

О взаимовыручке при «Советах»

При социализме господствующая идеология имела положительный эффект и в бытовом плане. Самым важным качеством была взаимовыручка, воспитанная не столько коллективистским обществом, сколько тотальным дефицитом. Первыми откликнулись мужики. Началось это с отопления в весьма прохладном климате. Мало было купить или достать дрова. Их следовало распилить, а потом расколоть и сложить. И все это надо было уметь. Пилить здоровое бревно приходилось вдвоем двуручной пилой на специальных козлах. Для «колоть» нужна была сила и сноровка, особенно если бревно было сучковатым. Складывать – это целая наука, потому что плохо сложенная поленница либо раскатится, либо в ней поленья сгниют. Так что в одиночку это труд весьма тяжелый. В деревнях все избы строились по типу «помочи». В городе то же было с ремонтом.

В те времена государственные артели были заведением крайне ненадежным. Придут в пустую комнату, зальют её купоросом, оставят в углу палку и старый ватник и пропадут на неделю, а ты кукуй с вещичками, где придется и жди у моря погоды. Так что на ремонт собирались по очереди друг к другу друзья и знакомые. Аня вспоминает, как бывший сосед после инсульта пришел, несмотря на уговоры, помогать, но стоять не мог, поэтому резал обои, сидя на стуле. Та же

картина была и при переездах. Собирались большие и малые, поднимали и несли, кто что может. Как-то накидали в грузовик книги россыпью и очень ругали хозяина за леность. Мог бы и в пачки завязать. И с благодарностью вспоминался момент, когда после сложного обмена Анина семья переехала в новую просторную квартиру. Начали разбираться, а тут вдруг явились две уже пожилые соседки со старого жилища с заявлением: «Услышали, что вы переехали, подумали, наверное, надо помочь». Да так помогли, что этого всю жизнь не могли забыть родственники Ани. Конечно, это были коренные пермяки.

Правда, по законам диалектики, обратная сторона этого доброго обычая не заставила себя ждать и вылилась в посиделки мужиков в гаражах, как только они появились. Предлог для выпивки был безукоризненный: машина требует внимания, причем постоянного. Так «собраться в гараже» стало явлением постоянным.

Отбор в школу УО

Жалобы родителей на новые школьные порядки напомнили Ане рассказ её кунгурских коллег об их знаменитой школе № 6 для «умственно отсталых». Все началось с того, что упомянули одного из её учеников. Мальчик из детдома, у которого там констатировали задержку умственного развития, закончил 7-й коррекционный класс и поступил на кожевенный завод, куда и направляли всех выпускников. В те времена было указание довести образование масс до десятилетки. По этой причине молодца записали в школу рабочей молодежи. Дальше – его рассказ.

– Я туда ходил, смотрю – у меня получается. Так и закончил 10 классов. А потом переехал в Пермь и поступил на Сталинский завод. Там мне предложили поступать в политех на вечернее отделение. Я и его закончил. Пока учился, меня сделали комсоргом завода. Теперь я член парткома. – Все это он рассказывал на традиционной встрече выпускников знаменитой шестой школы.

Один из хирургов, присутствовавший при разговоре, заметил:

– А вы знаете, как в эту школу производят отбор? Нет? Так слушайте! Одному мальчику показывают картинку, где заяц сидит на пеньке, и спрашивают, на чём сидит зайчик. «На ж....е», отвечает ребенок, который просто не знает дру-

гого слова. «Умственно отсталый», заключает комиссия и направляет его в класс.

Другой вопрос: что объединяет лодку и мост? – тут Аня подумала, что её место тоже в школе № 6. Оказывается, они оба пересекают реку. Интересно, куда стоило бы отправить сочинивших все эти тесты.

Язык и время

Интересно, как влияет время на словарный запас и языковые формы. Аня вспоминает прошлое столетие (даже тысячелетие). В консервативной провинции был свой диалект. Приезжие не всегда сразу понимали, о чем речь. Недаром шеф брал в поликлинику кого-то из ребят в качестве переводчиков. Вот пример разговора Анны с соседом.

– Я ведь чё вспоминаю! Жили мы в Разгуляе. Побегашь на улке или в ограде, домой прихилияешь, а там шамовки нету-ти и до получки ишо неделя. Папка на барахолку сбегал, новую шапку загнал за десятку. Мамка обед стотовила. А в окончательный дали четвертной. Как-нито вертися. В столовке обед стоит полтинник. А надо и чё-то на себя напялить. Шкеры каши просят. Штаны на задуду исшоркались. Мужики наши не пили, смирёные были. Вот и ищут како-нито заделье, чтоб деньгу зашибить. Стариков-то звали «тыбыками» («ты бы сходил в магАзин»). А мальчишки (их малайками звали) тоже по хозяйству вкалывали почем зря. Лакомства не было. Если достанут где конфеток-подушечек, дак на драку собаку. Кто смел, тот и съел.

А на производстве тоже все запарки: то у их пятилетка в четыре года, то к празднику на Октябрьскую срочно дом сдавай. А ты гляди, чтобы в стенгазете не продернули как волокитчика. Сверхурочные не платили, а в ночную эко ме-

сто делов – так ушомкаешься – не до кина и не до вина. Дед говаривал: «Вот до пенсии дожили, как бы еще до смерти дотянуть». Мужики – те зубатили: «Отвяжись, худая жисть, мне и хорошая надоела».

Как там в Париже?

Быт при социализме имел черты специфические. Тогдашнее население существовало по своим понятиям, и принять другой образ жизни нашим людям, особенно женщинам, было нелегко. Аня вспоминала рассказ знакомой дамы о поездке в Париж к сыну уже во времена перестройки.

Сын рассказчицы работал во Франции сначала по контракту, затем женился на француженке и окончательно осел в Париже. Маму он звал в гости неоднократно, но она, никогда не бывавшая за границей, тем более у «буржуев», никак не могла решиться на поездку. Кроме того, у нее не было денег на достойный в её понимании подарок. Тем временем народилось уже двое внуков. Наконец, накопив с пенсии на шесть серебряных ложек, она собралась.

В первый же день она преподнесла свой дар. Невестка поблагодарила и положила ложки в шкаф. Рядом с домом было лужайка, на которой дети с мамой играли в мяч. Время подходило к обеду. Невестка развлекала мальчишек на газоне. Как же она собирается кормить мужа? Где обед? Уже час до его прихода! Игра продолжается.

Наконец, без четверти два невестка вошла в кухню, достала из холодильника какие-то чашки. Поставила их в ящик (это была микроволновка, о которой у нас знали только члены обкома партии), накрыла на стол. Ровно в два приехал

сын, пообедал и снова отправился на работу, а невестка – на лужайку.

На следующий день у одного из детей был день рождения. Пригласили довольно много соседских ребятишек. Торжество было назначено на 16 часов. С самого утра бедная свекровь переживала, сможет ли она помочь в приготовлении к празднику. В особенности её расстраивало полное равнодушие невестки. Она, как ни в чем не бывало, играла с сыновьями на лужайке. К трем часам беднягу начало трясти, и она стала покрываться красными пятнами. В половине четвертого невестка отправилась в гараж, вывела машину и куда-то уехала. Это привело тетку в полное неистовство. Однако без четверти четыре хозяйка вернулась с чернокожим молодым человеком, который быстро открыл багажник, извлек оттуда складной стол, стулья, массу коробочек, тарелочек, вилок и ложек. На столе появились бутылочки с соком, колой, водой. В коробочках оказались разные лакомства, на тарелках фрукты – и все это в течение не более десяти минут. Помощник исчез. А тут стали подходить и гости. Дети посидели за столом минут 40, а потом тоже отправились играть. Свекровь посмотрела на стол, где осталось много всяких вкусностей, и надела фартук, чтобы разобрать все и помыть посуду. Но тут подошла невестка, взяла скатерть за четыре угла и весь узел отправила в мусорный контейнер.

Как вы думаете, почему нашу путешественницу удар не хватил? Вот и Аня решила, что в этом конкретном случае

изумление было так велико, что перекрыло все другие эмоции. Нет, вы только вообразите, как женщина, которая только что в своем отечестве стирала полиэтиленовые прозрачные упаковки и сушила их на веревке, могла стерпеть, что в мусор отпавились целые столовые приборы. Не говоря уже о массе лакомств и той же скатерти! Ну, да! Приборы полиэтиленовые. Так ведь их же можно еще использовать неоднократно! И тут она поняла, почему так равнодушно отнеслись к её подарку. Эти ложки так и будут лежать в шкафу в виде сувенира. В этом другом мире свои порядки, а ей их не понять. И надо было видеть физиономии слушательниц, которым это все было рассказано по возвращении.

Немного об искусстве

Театр был полон. Анна сидела в партере, как принято у цивилизованного зрителя, не ближе 5-го ряда. Раньше, при советской власти, в первом ряду возвышались башенными прическами самые уважаемые люди – работники торговых предприятий, преимущественно дамы, в одежде с крупными яркими цветами, продавщицы и буфетчицы. На постоянном месте во втором ряду светилась апельсинового цвета шевелюра «зрителя №1», преподавательницы музыкальной школы Татьяны Павловны Варгиной. Её знали все завсегдатаи и уже перестали гадать на тему возраста. Она была всегда, и, казалось, навсегда и останется. Всей школой для неё собирали шпильки, которые она постоянно теряла, даже тогда, когда уже некуда было их втыкать. С возрастом она стала хуже слышать и, как все глухие, говорила громко. На юбилейном концерте спросила, кто играет. Ей ответили, что доцент из института культуры, в просторечии «кулька». «Неважно играет», – раздалось на весь зал.

В ложе – пресса, Наташа и Ирочка, постоянные обозреватели культурных мероприятий. Несмотря на принадлежность города к глубокой провинции и даже к «местам не столь отдаленным», именно это обстоятельство способствовало достаточно интенсивному развитию культуры. Анна вспоминает, что знакомые и родственники в Ленинграде в

основном курсируют от работы до дома, а в Эрмитаже либо не были вообще, либо ходили туда в незапамятные времена, чаще всего с принудительной экскурсией в школе. А что? Мимо на работу ходим. Когда-нибудь и зайдем! Аня вспоминает, что когда она появлялась в любимом Питере в командировке или в отпуске, аборигены спрашивали её, куда бы надо сходить. Это неудивительно: провинциалы – народ любознательный, а столичные и так в Ленинграде живут.

Недавно удалось попасть в теперь уже Санкт-Петербург на несколько дней. Остановилась у бывших коллег и поняла, что попала в одну из последних истинно интеллигентных семей в городе. Вот там все стены в книжных стеллажах. Мебель антикварная. У хозяев есть пропуск в Эрмитаж на две персоны, и им часто пользуются. Жаль, что не удалось дотопать большими ногами до Главного штаба, который теперь отдан Эрмитажу, и посмотреть еще раз на импрессионистов. Раньше многие годы на третьем этаже Зимнего дворца, где помещались импрессионисты (представители «упадочнического искусства») был «ремонт».

Рядом в театре сидит младшая подруга, которая как батарейка придает подвижность уже порядком уставшей старшей. Её задача – проследить за афишами, купить билеты и вытащить замороженного доктора хотя бы изредка в свет.

Из партера не видно оркестровую яму. Её Аня с однокурсниками разглядывали с галерки в студенческие времена. Тогда их интересовали лица оркестрантов, пока они готовятся

к началу. Наперебой указывали, на кого похож тот или иной музыкант. Получалось, что в городе много двойников.

Зрительный зал кажется небольшим, но Анна помнила, что до войны второй ярус состоял из маленьких лож, в которых зрители и раздевались. Зато во время войны она с соседкой по пригласительному билету бегали на все постановки Кировского ленинградского театра, эвакуированного в город. Оценить тогда Мариинский балет дети не могли, хотя видели всех, от только что закончившей училище Шелест до Улановой, но имена еще в то время запомнились. Оперы тогда были в основном выдержанными в идеологическом плане – «Щорс», «В бурю» (что-то про тамбовское восстание) и т.д. Маленькая сцена тоже ограничивала возможности, но все равно это было настоящее искусство. Благодаря ему после реэвакуации кировцев городской театр стал оперным и академическим, чем обязан тогдашнему директору Савелию Григорьевичу Ходесу. Теперь в театре дирижер с мировым именем, оркестр звучит замечательно, только Анне уже не удастся постичь всю гениальность мастера. Новая музыка организмом, воспитанным на классике, не усваивается, а обнаженная натура на оперной сцене кажется не на месте. Особенно трудно воспринимается деформация классических постановок и кажется, что это профессиональная непригодность режиссера. Если творец неспособен создать свое, то Верди-то тут причем? Ну, сочини ты что-нибудь сам и показывай «ню» собственного производства. Кроме того, в

музыкальной школе она узнала, что музыка основана на мелодии, а когда мелодию тщательно уничтожают, то это должно называться как-то по-другому.

Анна понимала, что отстает от века, но поделаться ничего не могла. Как-то её пригласила в концерт дягилевского фестиваля приятельница, предупредив, что ожидается классическая музыка. Действо проходило в доме Дягилевых в замечательном концертном зале. Чем дальше шла программа, тем больше она вызывала изумление. Вначале было исполнено скрипичное подражание пенью соловья. С большой натяжкой можно было принудить воображение поверить в замысел автора. Следующий номер заключался во всестороннем использовании возможностей рояля. Исполнитель открыл крышку. Левой рукой, стоя, он давал басовые аккорды, а правой щипал струны. Мелодии почему-то не получалось. Следом вышли четверо молодых мужчин во фраках. Они обступили громадный контрабас, который был размещен на возвышении в положении лежа. Держа в руках папки с нотами, они по очереди щипали струны беспомощного инструмента, а сами перемещались вокруг по часовой стрелке. Далее было самое интересное. На сценической площадке расставили штук 12 пюпитров с большими листами бумаги, очевидно, ноты. К ним вышел маэстро с двумя глиняными черепками в обеих руках. Он принялся тереть их один об другой, при этом ходил вдоль «нотного стана». У Ани возникло два вопроса: первый – где музыка? Скрип черепков

был в унисон, на одной ноте. Второй вопрос был еще интересней: что было написано в нотах? Что там вообще было можно изобразить? В первом ряду сидела симпатичная дама лет 60. Она была само внимание и умиление. Анна почувствовала себя полной дурой и отсталой деревенщиной. Но когда раздались аплодисменты, они с приятельницей рванули из зала, предчувствуя, что зрители могут попросить изобразить что-нибудь на бис.

Вот интересно, что будет сегодня. А сегодня была Виолетта в джинсовом костюме. Так и не вписавшись в прогресс, отправились по домам.

Е.Н. Тер-Григорова

Что такое докторская диссертация? Это решение проблемы. Для опуса необходимо, чтобы прежде всего эта проблема возникла. Кроме того, нужен руководитель, хотя предполагается, что автор исполняет работу самостоятельно. Хорошо бы иметь хоть какие-то условия, среди них – немного свободного времени. В английском понимании условий успеха нужны препятствия.

Это так теперь Аня рассуждает, через сорок лет после защиты. Когда в начале 60-х прошлого века ей втемяшилась в голову идея о докторской диссертации, которую упорно поддерживал шеф, кроме проблемы и препятствий не было ничего. Суть работы заключалась в диагностике такого неопределенного тогда состояния, как желтуха. С позиций теперешней медицины все изыскания теперь представляются напрасным трудом. Но ведь не зря сказано: «Каждый человек, проживший длинную жизнь, какая бы она ни была, оказывается у разбитого корыта». Правда, из работы, теперь в значительной степени потерявшей значение, произошли вопросы, давшие толчок к дальнейшим исследованиям. Это надо отметить как положительный факт. Нельзя, к тому же, не признать, что исследование надо оценивать в связи со временем и имевшимися тогда возможностями.

Вот, исходя из предложенных условий, как обстояли то-

гда дела. По поводу желтухи и сейчас нет полностью устоявшихся положений. Тогда не существовало многих методов изучения патологии печени. Не знали даже, как устроена она сама. Руководитель ушел из жизни, когда работа только еще получила определенное направление. Было не с кем даже поговорить. Условий было крайне мало, главным образом не было времени. Аня работала ассистентом госпитальной хирургической кафедры в те времена, когда преподаватели были главной тягловой силой в больнице. Она вела больных, оперировала по полной программе, учила врачебную молодежь, дежурила (именно их вызывали вечером и ночью на сложные случаи), летала по санавиации, непрерывно вела группы на хирургическом потоке, читала лекции, ездила в область в прикрепленные районные больницы. Она еще с полвека занималась студенческим кружком и долго была ответственной за науку по кафедре при двух заведующих-ректорах. А вот насчет препятствий – это сколько хотите. Для клинических исследований нужна группа. В одиночку такой объём вытянуть невозможно. Соратники должны быть из разных областей медицины. Для нормальной работы необходимо хотя бы лояльное отношение со стороны деятелей больничной базы, иначе заведованием жить не даст. И нужна среда, в которой можно разговаривать. Как говорил один мудрый друг, руководителя надо постепенно понемногу обучать теме, а когда станет ясно, что он начал понимать, общаться по рабочим вопросам.

Если с клинической частью работы так и пришлось биться в одиночку, то в морфологии все равно нужен был консультант. В проблеме было много морфологии. Местные патологоанатомы сообщили, что печень на все реагирует одинаково, а желчные капилляры не видны в световой микроскоп. Понимая, что это полный отказ, Аня задумалась, с кем советоваться. И тут в случайном разговоре с малознакомой практической «патологоанатомшей» она услышала о московской звезде в области патоморфологии печени – профессоре Елене Николаевне Тер-Григоровой. Ее работы уже встречались в литературе.

В те далекие времена давали командировки в Центральную медицинскую библиотеку. Аня немедленно отправилась в Москву и прямо с улицы, без предварительной договоренности и рекомендаций, явилась в морг Морозовской детской больницы пред очи Елены Николаевны. Их лаборатория помещалась в одноэтажном деревянном корпусе, построенном в прошлом веке для этой цели. Вход в рабочее помещение был вместе с морозными клубами прямо со двора, без передней или сеней. Е.Н. в ответ на просьбу поговорить по теме немедленно согласилась – она сама была заинтересована в изучении этой патологии. Так определилась Анина дальнейшая судьба в науке.

Из разговоров позже выяснилось, что Е.Н. с мужем-отоларингологом приехали в Москву в возрасте под пятьдесят лет из Баку, где была давно налаженная жизнь, по пригла-

шению академика Скворцова. Его авторитет был так велик, что они, оба кандидаты медицинских наук, согласились жить какое-то время в общежитии. Е.Н. поначалу пришлось занимать лаборантскую должность. Сын к тому времени окончил школу и поступил в Московский медицинский институт. Когда был построен район у метро «Сокол», где поместились уволенные от должностей руководители разных ведомств и рангов, а также члены ЦК Каганович, Молотов и др., бакинцы купили там кооперативную двухкомнатную квартиру. Это мероприятие Е.Н. называла «раздетые камнем», по аналогии с книгой Ольги Форш («Одетые камнем»). Постепенно у Ани стало складываться впечатление о работе и жизни руководительницы.

Е.Н. происходила из смешанной семьи. Отец – армянин, мать – еврейка. Для того чтобы брак был законным, матери пришлось креститься, иначе бы их не повенчали. Кроме того, вероятно, это упрощало получение ею высшего образования. Мать была из первых женщин-врачей в России. Е.Н. рассказывала, как они спасались от геноцида в Армении.

Руководительница страдала очень тяжелой формой перфекционизма. Всё надо было делать только по наивысшему разряду. Из-за этого тянулось время и часто страдало дело. Её мама называла дочь, золотую медалистку в дореволюционной гимназии, «неуспевающей». Такой Е.Н. и осталась навсегда. Она забавно припомнила, как поступала в гимназию. Всё было хорошо, за исключением двух ошибок в экзамена-

ционном сочинении. Вместо слов «форма» и «фартук» она написала «ворма» и «вартук», чем её долго поддразнивал брат. Она и сама замечала, что путает эти буквы. Прошли годы. Сын закончил институт, решил работать в патанатомии и был направлен в районную больницу. Чтобы помочь на первых порах, Е.Н. поехала с ним. Диктуя ему протокол первого вскрытия, она обратила внимание, что он всё время что-то поправляет при письме. На вопрос: что именно, он ответил:

– Да вот, всё время путаю буквы «в» и «ф». – Тоже «ворма»–«вартук»? – Поудивлялась и рассказала это своему племяннику, сыну брата.

– Ну, и что? Я тоже их всегда путаю, – ответил родственник, ничуть не удивившись.

– Нет! Вы только подумайте! Какая же крошечка в гене должна быть изменена, чтобы такое отклонение да еще и было наследственным, – изумлялась профессор.

В Москве Е.Н. принялась за докторскую диссертацию. И тут была та же история – Е.Н. оставалась «неуспевающей». Набран колоссальный материал по гепатитам у детей. Написано три тома (ограничить объём диссертаций в ВАКе еще не успели). Проблема в том, что по всем данным гепатит – вирусное заболевание. Но в нашем медицинском обществе твердое убеждение, что, как сказал в девятнадцатом веке Боткин, желтуха – это «катаральное воспаление печеночных канальцев». Кто такие эти канальцы – неизвестно. Однако у России свой путь развития. И пусть капиталисты считают ге-

патиты инфекционным заболеванием, а мы лечим их в терапии. Результатом стало широкое распространение гепатитов медицинским путем. У капиталистов со звериным оскалом больных изолируют, у них разовые инструменты. В каждом специальном журнале новости, их надо учесть в работе, которой конца-края не предвидится

Академик Арьев, руководитель отдела в Институте морфологии человека, где работает Е.Н., приглашает диссертантку к себе и объявляет ей, что апробация состоится через две недели. Истерика, но деться некуда. Работа представлена, получила одобрение, и назначена защита. На неё сбежалась «вся Москва». Предвкушали, как официальный оппонент, академик Тареев, «размажет Е.Н. по пейзажу». Он терапевт. Он им всем покажет. Академик Тареев сообщил, что у них по клиническим данным получается тоже вирус. Единогласно. Успех. Банкет.

А на банкете выступает другой официальный оппонент, профессор Данелия, брат знаменитого режиссера, и поздравляет Е.Н. с успехом, а режиссер Данелия тут же констатирует необычный факт, что грузин поддерживает армянку. Новый взгляд на национальный вопрос на Кавказе, но из Москвы.

Так, благодаря двум авторитетам, Министерству здравоохранения пришлось признать вирусную природу гепатитов, а поэтому назначить обследование по этой линии рожениц и родильниц – это для начала, и изолировать больных гепатитом. Случилось это в 1964–65 годах. Это событие имело

к Ане самое непосредственное отношение – гепатит в большинстве случаев сопровождается желтухой.

Анна не могла понять, как удалось выпустить книгу Е.Н. и её сына, Виктора Семеновича Тер-Григорова, о гепатитах у детей. Она общалась с семьёй 22 года. За все время не удалось опубликовать ни одной совместной статьи. Несколько раз были написаны готовые к печати работы, оформлены по правилам журналов. Е.Н. собиралась лично отнести их в редакцию. Когда Аня приезжала через несколько месяцев, статья была изрезана в лапшу, потому что вышла новая монография на английском, которую надо прочесть и всё привести к новым данным, полученным в Австралии полгода назад. Как-то Е.Н. сказала, что одна из подопечных, профессор-терапевт не стала ждать новых опусов, сама написала и отдала совместную статью в журнал, а Е.Н. поставила в авторский коллектив.

– Мне даже не сказала! Это она напрасно! Я даже подумала, как же она так? Вот Вы так могли бы поступить, а ей – не стоило!

Надо ли говорить, что Ане бы это и в голову не пришло. Она слишком уважала свою наставницу, которая была воплощением интеллигентности и воспитанности. А, наверное, стоило бы так поступить. Другого способа укротить стремление к совершенству не было.

Во второй приезд общение чуть было не прекратилось. Встретила Анну Е.Н. крайне холодно. На вопрос, что случи-

лось, она спросила, как чувствует себя подруга, которая её рекомендовала. Аня ответила, что знает даму очень шапочно и не имеет понятия о её делах. Видя искренность, наставница смягчилась и рассказала довольно неприятную историю. Знакомая собиралась защищать кандидатскую диссертацию на тему о гепатитах у пациентов с сердечной патологией, считая, что заболевания сердца могут быть причиной нарушений в печени. Она знала Е.Н. по работам и авторитету в Москве и явилась попросить отзыв на автореферат. Руководительница, как обычно, тщательно изучила труд и обнаружила, что у большинства пациентов были сопутствующие заболевания, способные повлиять на состояние печени, или в прошлом перенесен острый гепатит. Е.Н. сообщила свое мнение о неправомерности выводов автору, на что та ей ответила:

– Ну, знаете! У меня уже всё готово, и апробацию я прошла, поэтому ничего я менять не буду. – С чем и отбыла на защиту. Конечно, Елену Николаевну такая наглость повергла в шок. Она оставила свое мнение при себе, но подвергла сомнению Анину репутацию. «Скажи мне, кто твой друг...» Правда, конфликт разрешился быстро, но той долго было не по себе.

Шло время, настала пора сделать доклад о проделанной работе. Решили выступить на московском обществе патологоанатомов. Время выделили самое неподходящее. Это было одно из тех лет, когда горели торфяники под Москвой.

В городе нечем было дышать. Жара стояла страшная. Для доклада выбрали часть работы, в которую входил анализ материала на основе патогенетической классификации желтух, предложенной Еленой Николаевной, но, по обыкновению, нигде не опубликованной. Общество разочаровало полностью. Прибыло только 12 человек. Все сидели как сонные мухи. Вел заседание профессор Раппопорт, один из немногих, уцелевших из «дела врачей». Его книгу о репрессиях, которым автор подвергся, Аня незадолго до события прочла с большим интересом. А тут увидели абсолютно равнодушного председателя, который явно отбывал неприятную повинность. Не задали ни одного вопроса, не сделали заключения. Результатом осталось упоминание в списке публикаций.

Было и ещё одно событие, которое огорчило руководительницу. Как обычно, перед защитой появилось очередное постановление ВАК, по которому в автореферате докторской диссертации нельзя было указывать консультантов. Это правило держалось очень недолго, но Е.Н. не упоминала Аню в списке своих учеников, хотя после защиты она привезла ей экземпляр диссертации с её фамилией на заглавном листе.

После утверждения защищенной работы, что произошло через год в связи с обычной бюрократией, Аня продолжала свои визиты в дом Тер-Григоровых. Теперь значительно улучшилось отношение к ней со стороны мужа, Семена Львовича Шапиро, и сына Виктора. Надо заметить, что зани-

мались с Е.Н. у них дома. Аня чувствовала неприязнь родственников, но вначале стеснялась спросить Е.Н. о её причинах. Несколько позже она объяснила, что у неё, как правило, все подзащитные и ученики становились завсегдаятами, но только на период работы. При этом они столовались, некоторые даже и готовили, а иногда и ночевали не хуже, чем в гостинице. Защитившись, они исчезали навсегда. Только один диссертант из Узбекистана, который приходил за отзывом на автореферат, присылал поздравительные открытки. Остальных как корова языком слизала.

Аня, убедившись в бакинском происхождении наставников, попросила разрешения приготовить обед. Дело в том, что Е.Н. была настоящим профессором, то есть не умела в быту ничего. Она никогда не покупала продуктов, не готовила еду, не знала, что такое стирка. Об уборке вообще говорить нечего. Уйдя на пенсию, она все равно вынуждена была нанимать двух прислуг – для уборки и приготовления пищи. Двум пенсионерам это было в финансовом положении чувствительно, но главное – старухи в период 60–80-х годов, как одна, заявляли, что они всю жизнь работали, детей вырастили, и им в этом никто не помогал. Пусть их дети теперь так же самостоятельно растят своих наследников. А они заработали себе пенсию и будут отдыхать. Надо сказать, что их пенсии были нищенские, но и купить на них было нечего. Транспорт и хлеб с молоком были дешевыми. Это вполне бывших пролетариев устраивало. Во всяком случае, самооценка ста-

рух резко повысилась. Лучше всего их показал Райкин в своей миниатюре о найме няни. Так и у пенсионеров прислуга менялась непрерывно. Оба наставника были людьми крайне непритязательными и скромными в быту. Е.Н. рассказывала, как ещё в Баку профессор Топчибашев рекомендовал им свою прислугу. Придя домой с работы, они застали её за украшением торта, который она испекла к обеду. Хозяйка изумилась – им было совсем не до красоты, лишь бы обед был на столе. Так было и в Москве. Тем не менее московские бабки изгалялись, как могли.

И ещё уже комические обстоятельства влияли на жизнь. Кстати, это были вполне характерные условия для того времени. В конце 20-х – начале 30-х годов двадцатого столетия в Советском союзе официальная регистрация брака среди интеллигенции считалась мещанством. Большинство возрастных потом уже знакомых свидетелей о браке не имели. Многие уже отметили с домочадцами золотую свадьбу. И тут Е.Н. с мужем отправились в подмосковный санаторий, где их отказались поселить в один номер по той причине, что они не зарегистрированы. Пришлось им отправиться в ЗАГС на девятом десятке лет.

Справедливость требует отметить, что Виктор в доме присутствовал, но никогда не было известно, явится ли он ночевать или нет. Это очень беспокоило родителей с учетом того, что у него уже было несколько инфарктов миокарда. Не удалось сообщить, где он в данный момент работает, потому

что в нем самом постоянно бурлила взрывчатая смесь, что Е.Н. объясняла генетикой. Занимался он иммунологией, был учеником Л. Зильбера, автора теории вирусного происхождения лейкозов. Теорию постоянно подвергали обструкции, а автора – заключениям под стражу. Именно по его просьбе Виктор поменял отцовскую фамилию (Шапиро) на мамину. Зильбер попросил его об этом из опасения, что публикаций под двумя криминальными по пятому пункту (национальность в паспорте) не пропустят. Носителей нетрадиционных фамилий называли «инвалидами пятого пункта».

Учитель умер скоропостижно за две недели до своего очередного дня рождения. Молодежь из лаборатории собралась отметить этот день посмертно. Позвали и директора института, который был вне себя из-за приглашения, потому что люто ненавидел покойного. Через месяц был назначен конкурс, на котором всех младших научных сотрудников прокатали, а лабораторию, которая разрабатывала проблему вирусного происхождения лейкозов, закрыли. Директор открытым текстом заявил, что на проблему ему глубоко плевать, а последователей Зильбера он видеть в своем учреждении не желает. Энтузиасты оказались на улице с бубновым тузом на спине.

С великими трудами устраивались кто куда. Виктор попробовал было написать докторскую, но, видно, в маму пошел. Подвёл наследственный перфекционизм. Так и не стал доктором наук. К этому времени он был в разводе с женой

Татьяной Осиповной, на редкость симпатичной и по-человечески очень интересной преподавательницей русского языка и литературы. Она тоже постоянно навещала стариков. Их сын Саша был на третьем курсе мединститута и уже интересовался иммунологией. Как всякий студент, он презирал профессоров. Прикалывался над бабушкой, которая, кстати, не позволяла так себя называть. Он звал её Леной, а деда – Сёмой. Как-то при Ане он рассказывал Е.Н. о новых подходах в иммунологии и задал вопрос, что делать, чтобы исключить влияние гормонов.

– Как что? Удалить тимус! – ответила бабушка.

– Смотрите! Профессор, а понимает! – обратился к Ане ехидный внук.

– Ефрейтор похвалил! – в тон любящему внучку подтвердила Анна, надеясь, что анекдот был акселерату известен. Кстати, за время общения с милым семейством Саша отучился, стал иммунологом, женился, родил сына, развелся и теперь трудится в США.

Его мама была преподавателем особенным. Это она научила сына всем необходимым в жизни навыкам. Каждый год в каникулы она возила класс по разным литературным местам. Одним летом ходили пешком по Крыму. Маршрут был по следам А. Грина. И так постоянно. Кроме того, для подработки она несколько раз ездила в Чехословакию заниматься с маленькими детьми русским языком и очень интересно об этом рассказывала. Дети были детсадовского воз-

раста. Они на лето выезжали в лагерь в лесу, где стояли несколько небольших домиков со всеми удобствами и сливным туалетом. Обучение шло в играх. Каждый день они шли на прогулку. Им давали с собой по булочке в салфетке и пакету сока. Салфетку и пустой пакет они по возвращении должны были сдать руководительнице. Так детям прививали уважение к природе. Вообще, разговаривать с Таней было одно удовольствие. Аня некоторое время ещё перезванивалась с ней, когда в Москве уже никого не осталось.

Очень теплые отношения сложились с Семеном Львовичем. Семейство долго не отпускало его с работы с единственной целью – лечить гипертонию занятиями. Он вел прием несколько раз в неделю в поликлинике МАИ по уху, горлу и носу. К 90 годам гипертония его закончилась, и он с работы ушел. Аня виделась с ним до его 95 лет. Он оставался совершенно сохранным, только стал хуже слышать. Разговаривали часами. Он рассказывал, как учился медицине в Тулузе, а в 1916 году всех иностранцев из Франции попросили. Он сохранил язык и до конца читал «Юманите», которую регулярно покупал в соседнем киоске. Ему всегда оставляли экземпляр. Один раз выпуск не получили. Киоскер, тоже старый пенсионер, сказал, что «родители» (он имел в виду партийное руководство) рассердились и наказывают «детей».

Вернувшись в Россию в самый Октябрьский переворот, он всё же окончил институт, работал шофером в гараже при Кремле. Он был бакинцем, вернулся на родину, рассказывал

о дореволюционном периоде и национализации. Как-то речь зашла о школе. Он вспоминал гимназию и рассказал историю о богачах в Баку. В гимназии в младших классах учился сын самого главного нефтепромышленника. Это был бездельник и двоечник. Директор гимназии вызвал папашу и сообщил ему, что потомка из гимназии исключает. Надо было видеть, как был смущен и унижен олигарх, в кармане которого лежали деньги, на которые владелец мог купить всю гимназию вместе с директором. Он ни звука не возразил начальству, а только извинялся и кланялся, после чего забрал наследника и почему-то не позвонил в министерство или куда-нибудь наверх. Наверное, ему хотелось оставить свое производство обученному человеку.

С.Л. подробно рассказывал об Израиле, в котором никогда не был. Передавал содержание старинных и библейских легенд. Он знал иврит. От него Аня впервые услышала о происхождении и родственниках Ленина. Мариетта Шагинян была родственницей Тер-Григоровых и поведала о результатах своей работы в архивах, куда её так неосмотрительно допустили деятели ЦК для написания книги о великом вожде, а потом спросили:

– Скажите, а зачем Вам это было нужно?

И каждый раз он с тревогой спрашивал: «Я Вам это не рассказывал?» С полной ответственностью можно сказать: С.Л. в свои за 90 ни разу не повторился. Он заявил:

– Анечка, вы, уж, пожалуйста, с аэродрома сразу к нам и

оставайтесь, сколько вам нужно.

Даже проездом через Москву она всегда выбирала время, чтобы хоть ненадолго заглянуть к ним. Приехав, отправлялась сразу на кухню под заявление С.Л.:

– Анечка приехала! Значит, на обед у нас будет что-то особенного? – «Особенного» состояло из постного борща по-бакински, разваренной курицы на второе, которое содержало еще и овощное рагу под названием «соус» (бакинский термин) и мороженого, купленного по дороге. Аня по маминым вкусам, тоже бакинским, знала, что надо, теперь уже старшим, друзьям.

Первый раз Е.Н. взялась разливать борщ и налила мужу одну жижу сверху. Аня поправила дело, а С.Л. подробно объяснил просчеты мамы Е.Н. в воспитании и правильную постановку дела у Аниной родительницы. Жаль, что она этого не слышала.

Е.Н. жаловалась только на одно качество С.Л.: он всегда ставил чашку с недопитым чаем в буфет, и её обычно выливали на себя второпях домочадцы.

– 50 лет не могу отучить, – приговаривала супруга.

Довелось познакомиться и с братом Е.Н. Николаем Николаевичем и его женой Аревик. Со старшим их сыном знакомство уже состоялось. Это он путал В и Ф. Иногда, приезжая в командировку, он заходил к тетке:

– Извините, отвлеку ненадолго, но не могу не прочесть вам маленькую статью из «Литературки». Заодно и отдохне-

те.

Удивительно воспитанный и приятный был человек. В один из приездов сообщили, что он погиб от опухоли мозга. У его мамы была слава замечательного воспитателя до тех пор, пока не родился младший брат. Этот свел все мамины принципы на нет. На этом её слава и закончилась. Оказалось, что он учился в бакинском институте нефти и газа вместе с Аниным племянником. Закончив обучение, он бросил специальность и подался в Москву во ВГИК на сценарный факультет. На вопрос «зачем», он отвечал: «Я приехал бороться!» Он тоже взял материнскую фамилию Эйрамджан, стал известным сценаристом, а вот насчет результатов борьбы следовало бы спросить его самого.

С Виктором Семеновичем контакта не получилось. Да ему и некогда было общаться с незнакомыми. Он все время был в трудах и, вероятно, плохо себя чувствовал. У него снова был инфаркт. Второй семьи он не завел, хотя у дамы сердца родился сын. Мальчик был болен: задержка развития, врожденный нистагм. Ребенок от первого брака у его мамы тоже был нездоров – болезнь Гиршпрунга. Мать-теоретик не распознала тревожных сигналов. Их заметил Семен Львович. Малыша очень интенсивно лечили, к чему приложила руку и Татьяна Осиповна. Мальчик пошел в нормальную школу и успевал там вполне. А папа все метался с работой и с наукой, нигде не находя постоянного пристанища. Вероятно, характер его не давал ему покоя.

Е.Н. рассказывала, что как-то их пригласили в библиотеку на презентацию новой книги. Разговор шел о застое. Виктор повернулся к родителям и спросил, выступать ли ему. Родители опрометчиво утвердительно кивнули. Он встал и рассказал библейскую притчу о Моисее, который водил евреев по пустыне 40 лет. И в качестве аргумента к своему мнению о книге привел его ответ: «Вы рабы, а ваши дети – дети рабов. Когда вырастут ваши внуки, уже свободные люди (по-нашему – непоротое поколение) – с ними я буду строить свободное государство». Ну, и что же можно было ждать дальше? Какую судьбу ему уготовала жизнь? Это же были 70-е годы!

Е.Н. тем временем образовывала Анну в морфологическом плане. Они просмотрели все препараты, все снимки. Была выработана концепция. Даже название работы придумали вместе. После защиты общение продолжалось ещё долгие годы. Если Аня задерживалась с традиционным поздравлением, был звонок, все ли у неё в порядке. Е.Н. перенесла инсульт. Потери были не очень катастрофичны. Она продолжала интересоваться своей наукой, читая все журналы по специальности.

В один недобрый вечер у Ани раздался иногородний звонок. Это был Виктор.

– Я к Вам с тяжелой вестью.

– Кто, Виктор Семенович?

– Елена Николаевна. Я знаю, как Вы относились к маме и не мог не позвонить.

Аня благодарна ему за этот звонок. Через полгода она узнала, что он эмигрирует в Израиль и везет с собой отца. Днями она была в Москве, позвонила:

– Можно мне приехать?

– Нужно!

Дома рассказывали, как вынуждают уехать, как ехать ни за что не хочется, но придется. Двоюродного брата, Льва Идельсона, лучшего в стране гематолога, доктора наук, телефонным террором и давлением на работе тоже вынудили уехать. После выяснилось, что организовал все доцент с их кафедры, который всю жизнь ему завидовал. Тут Виктор сообщил, что у него есть ещё третий сын, и всех их он любит и бросать не хочет. Потом из телефонного разговора с Таней Аня узнала, что Виктор бушевал ещё в аэропорту. Таня съездила в гости. Там Виктор женился, где-то работал. Семен Львович принял новую жизнь без восторга. Долгое время Аня ничего о них не знала.

Недавно друзья принесли распечатку письма из нулевых годов, где сообщалось о смерти В.С. Тер-Григорова в израильской больнице от сердечной патологии.

Житие ленинградское

Жил-был молодой человек в Тамбовской губернии, и в 20-е годы двадцатого же столетия отправился он на срочную военную службу в Ленинград. Это был будущий родной дядя Ани. Юноша не был привычен к городу. Служба давалась с трудом, и для облегчения своей судьбы решил он записаться в хор, который организовали в его части. Не совсем понятно, как он туда попал – у «хориста» был громкий голос, но полностью отсутствовал слух. Таким был его отец, который всю жизнь пел одну песню на непонятный мотив: «Ишь ты, по-ди ж ты, что ты говоришь ты». Та же судьба потом постигла его сына, который исполнял страшным голосом «Ох вы, кони мои вороные». Странно, что именно мужская часть этого семейства была безголосой, а женщины все были певуны в этом певучем крае.

Так или иначе, но участие в хоре облегчало жизнь и давало хотя бы иллюзию свободы, но скоро лафа кончилась. Позже он рассказывал племяннице:

– Понимаешь, все было бы хорошо, да приехали прослушать голоса. Я и не пошел, потому что если я заору....

Вскоре познакомился он с девицей лет семнадцати. Закрутилась любовь. Его взяли в семью, где у невесты были еще три сестры. Отца уже не было в живых. Теща, очень милая и добрая старушка с жестокой астмой, обожала зятя

и всегда прятала от дочерей обед, оставленный Ванюшке. Юная жена, выучившись на бухгалтера, стала классным специалистом. Родился сын. Добытчиком стал глава семьи, пробившись в снабженцы. Вторая по старшинству сестра вышла замуж за военного, бывшего круглого сироту и сына полка, дослужившегося до комиссара дивизии. Единственным его недостатком оказалось по тому времени его происхождение – он был латышом. Жена была умницей, окончила курсы немецкого языка, верховодила женами комсостава. Её же и назначили встречать немецкую делегацию, которая явилась с визитом дружбы. По возвращении в Фатерланд ей прислали в благодарность беретик. Шел 1938 год. Муж латыш. Жена явно немецкая шпионка. Куда смотрит начальство? Откуда любовь к немецкому языку, на курсы которого это же начальство и направило? В общем, комиссара арестовали. Предъявить ему было решительно нечего, жену не тронули. Он попадает в Кресты, где его разыскивает, рискуя очень многим, свояченица Верочка, к тому времени уже главный бухгалтер крупного завода. Она подъезжала на машине, но оставляла её довольно далеко от тюрьмы. Поздно ночью она украдкой увезла племянника из Детского села, где дислоцировалась дивизия. Мальчик рисковал попасть в детский дом. Комиссару «тройка» дает всего 5 лет за «утерю бдительности». Он не доходит этапом до лагеря, погибает по дороге. Жена умирает от рака желудка менее чем через год после этого события. Оставшегося круглым сиротой мальчика 10 лет усынов-

ляет наш герой. Ему дают новое отчество, фамилию и национальность. Он просит у тетки разрешения звать её мамой. У генеральского сына новая семья, новый образ жизни и старший брат в придачу. Это после того, как «в туалет его возили на машине» – ходячее тогда выражение. Кстати, он позже ни разу не вспомнил в чьём-нибудь присутствии настоящих родителей и делал вид, что забыл свою фамилию.

А тут начинается война. В самом начале блокады Вера отправляет детей в эвакуацию с школой воспитанников, бывших не в ладах с законом. Школа попадает на пароход, идущий по Оке до Ярославля, который нещадно бомбили немцы. Ленинград в блокаде. За судьбой детей следят из Перми родственники, которым успели с последним письмом сообщить об эвакуации. Но известно только о постоянных бомбежках. Конкретно ничего узнать невозможно. Родители в Ленинграде в самый голодный период. 125 граммов хлеба не могут обеспечить жизнедеятельности. Холод. Топить нечем. На шкафу виден край газеты. Решили снять её, а там оказались сухари, о которых забыли с хороших времен. Драгоценная находка дала немного сил. Ваню в тот момент призвали в армию. Вера числилась бухгалтером в мореходном техникуме. Его вдруг вздумали эвакуировать с последним поездом. Она поехала.

Темным вечером в захолустной неосвещенной Перми эшелон с ленинградцами остановился на неизвестное время. Вера уговорила медсестру из медпункта при вокзале до-

браться до семьи родственников. Та не сумела отказать и отыскала сестру мужа. Схватив, что было съестного (очень немного), золовка бросилась на вокзал. Она с трудом узнала блокадную Веру. Говорила потом, что было страшно смотреть. Конечно, первое, что она предложила – немедленно остаться в Перми. Были, наконец, отысканы дети. Они остались целы. Памятник надо поставить теткам в Бугуруслане, куда в войну стекались все сведения о перемещениях гражданского населения по стране. Работали они, как часы. Были готовы документы родственнице для проезда за детьми в сибирский город Тару, куда была эвакуирована школа малолетних преступников. Мать ехала туда же и остаться не согласилась. Как показали дальнейшие события – напрасно.

Всё кончается в этом мире. Закончилась, наконец, и война. Вернулись в Ленинград. Демобилизовался и Иван Илларионович. Мальчики подросли, но добра в эвакуации не нажили. Школа была затрапезная. Дисциплину держать было некому. Знаниями тоже не перегрузили. В общем, надо было где-то доучиваться. Выбрали техникум им. Мухиной (бывшее училище Штиглица, который иначе и не называли). Сразу после поступления туда учреждение перепрофилировали в ремесленное училище. Даже среднего образования не получалось. Старший, Гена, учился на краснодеревщика, младший – на лепщика-модельщика. Гена оказался талантливым, его быстро приспособили к реставрации музеев, которые сильно пострадали в войну. Все было бы терпимо, да

пожилые работяги наряду с ремеслом приучили и к рюмке. Это комментариёв не требует.

Младший, Володя, поболтался некоторое время в люльке снаружи зданий на холоде и решил поменять профессию. Он поступил на вечернее отделение ВГИКа. Факультет был, по всей вероятности, операторским. Там было много фотографии, а она, по тем временам, была в большой зависимости от химии. Володю долго не призывали в армию, но все же служить пришлось. Он попал в топографическую службу в Забайкалье. Там и нафотографировал вволю. Снимки посылал Ане на целину, а позже ей же сделал великолепные микрофото для диссертации и на защиту, вроде теперешних презентаций. Во время возвращения со службы его эшелон тоже проходил через Пермь. Кузина, для которой он был тоже всегда двоюродным братом, пыталась оставить его на Урале, но для коренного ленинградца это было немыслимо. Так сорвалась вторая попытка помочь родному семейству. Позднее он рос по службе и был в какой-то комиссии по распределению химических заводов по СССР. Он спас Пермь от очередной отравилочки в виде свинцового завода, а то там своих было мало.

Глава семьи пришел с войны с ранением в грудь, очень долго лежал в госпитале, но всё же справился. Сорокапятилетняя Верочка, у которой в блокаду прекратились месячные и более не возобновлялись, почувствовала некоторую неловкость в животе. Подождав ещё немного, не пройдет ли

само, обратилась к врачу и услышала: «беременность, месяцев 5». Здравсьте! Жалобы и слезы не помогли. Родилась Наташка. Детей стало трое. Комната одна, двадцатиметровая, в коммуналке на Петроградской стороне, где ютились ещё три семьи и непонятно где – мать-одиночка с мальчиком, изгнанная родными из своей деревни. Над ней, как могли, глумились (а скорбные духом, особенно алкоголики – большие мастера на это).

Забегая вперед, надо сказать, что ничего путного из детей населения Вороньей слободки не вышло. Мальчик-изгой делал уроки на перенаселенной кухне, в буквальном смысле, на коленке. Мать билась как рыба об лед, чтобы заработать копейку. У её дальних родственников-алкоголиков, проживавших тут же, была четырехлетняя умственно отсталая девочка, гроза всей квартиры. Очень любознательная, она слышала все разговоры жильцов и потом громко их пересказывала в коридоре, изображая телефон. Частенько хозяйки обнаруживали свое белье в ванне общего пользования, которая располагалась в коридоре и служила вместилищем для всякого мусора. Пролетарии пренебрегали таким пережитком прошлого, как ванна, и пользовались общественной баней. Девица обычно собирала своё и чужое грязное бельё и замачивала его без разбора. Угломнить деятельную особу было совершенно невозможно.

Комнаты в старом доме шли анфиладой. Перегородки были тонкими, поэтому все жили во всех комнатах одновре-

менно. В кухне была одна дореволюционная чугунная раковина, эмаль с которой давно слезла, и на месте решетки слива много лет стояла продырявленная консервная банка. Жильцы и представить не хотели, что можно в складчину купить новую. Электричество стоило 4 копейки киловатт. В коридоре, в туалете и на кухне висели по 4 лампочки, и население зорко следило за использованием только своей. В начале 50-х был проведен газ. Плита на 4 конфорки тут же была поделена, и боже упаси, чтобы кто-то зажег не свою. На всякий случай ставили ведро с мытой посудой и кипятили её часами на своем месте, чтобы другие ненароком не заняли. Вера писала на Урал родственникам:

– Вы не представляете, какое это удобство.

Первым ушел из дома Володя. Он женился, и ценой невероятных усилий родня скинулась и выделила деньги на первый взнос в один из первых кооперативов. Дом был пятиэтажкой, типа «придешь домой пьяный – не упадешь». Прихожая была вместимостью в один квадратный метр. Одеваться зимой лучше было на лестничной площадке. Но это был уже свой дом.

Гена женился позже, к восторгу мамы, на партийной активистке. Когда приехавшая в гости Аня обратила внимание на неестественное поведение невесты, Вера возмутилась:

– Ты с ума сошла! Девочка – член партии. Она член пленума райкома! Она участвует в выборах! – В ответ ей было сказано, что именно это всё и наводит на сомнение. Вразу-

мить будущую свекровь не удалось. Позже она писала родственнице:

– Дорогая моя! Каждый день тебя вспоминаю.

Однако день ото дня становилось труднее. Надо было что-то делать с жильём. Подростала Наташа. Родился сын у Гены. И все в одном гнезде. Тогда Вера придумала хитроумный план. Она вообще была умницей, когда это не касалось её непосредственно. Член органа контроля КРУ, от которой ничего невозможно было скрыть, при других раскладах давно имела бы роскошную квартиру, которую ей неоднократно и предлагали. Но потому КРУ и было её постоянной нагрузкой, что Вера была неподкупна. И профессионализм её был потрясающим. Она составляла сложные отчеты, непрерывно разговаривая, играючи, и ни разу не ошиблась ни на копейку. И при всем этом у неё не было приличной одежды. На работу в детский сад она ходила в домашнем халате. Чтобы что-то осталось ей самой, родственница покупала вещи только на неё. Иначе все раздаст непутевым сестрам и племянникам.

И вот наша праведница отправилась «к судьи» посоветоваться, узнала цену помощи, собрала деньжат и выписала Володю и Гену под предлогом постоянных скандалов из своей комнаты, а туда прописала тетку, которая уезжала из Питера, оставив в другом доме «комнату». Это «жилье» площадью в 9 кв. м было выгорожено из больших размеров ванной комнаты в старой питерской квартире. Оно было даже с окном. Все это надо было сделать через суд. Сумма судьё

за подпись, сумма тетке за «комнату» с опасностью, что той может не понравиться на новом месте и она вернется и поселится к ним на законном основании. Гена получил «квартиру». На суде зрители переговаривались:

– Ну и стерва баба! Ну, этого, черного-то ладно – может, и вправду бандит. А вот беленького-то за что?

Так Иван с семьей остались втроем. Жить в Питере раньше было сущим наказанием. Особенно летом досаждали многочисленные родственники и знакомые со всей огромной страны. Недаром доктор из солидной клиники жаловалась, что она все лето спит без подушки. Тем не менее хозяин вышел на пенсию, Вера подрабатывала в детском садике, с которым можно было летом выехать из города «на дачу». Это делалось для Наташи. Практически четвертым членом семьи была племянница, дочка младшей сестры, муж которой погиб, когда малышке было 9 месяцев. Так девчонки-ровесницы и выросли вместе и были родными всю жизнь.

Надо заметить, что Анна не теряла надежды помочь своей сестричке. Она забирала её на зиму в Пермь, где ею занималась любимая отцовская сестра. Девушка была с гонором, но хорошо прижилась у родни и плакала, когда мама приехала за ней. Семьи общались тесно. Отдыхали вместе под Пермью в чудесной деревне перед поступлением Наташки в школу. Когда мама с ней пришла записываться в первый класс, её спросили:

– Наташенька, деточка! Ты хочешь в школу?

– Не хочу! – Ответила она басом.

– Почему же, деточка?

– Я «Л» не умею говолить!

Когда она появилась в Перми, тетка, не терпевшая дефектов речи, взяла чайную ложку, приложила её к языку, и начались импровизированные занятия логопедией. Через день Наташка носилась по двору и вопила: «тррактор, тра-релка....».

Прошли годы. Аня стала врачом. Она часто ездила в Ленинград по делам и в гости. Наташа закончила фельдшерское училище и работала напротив дома в Институте им. Турнера. Вера убивалась, что она утомляется на работе. И была голубая мечта, чтобы дочка получила высшее образование. Самой Наташе оно даром было не нужно. Кузина в очередной приезд решила забрать её, наконец, у родителей, которые своей безумной любовью явно портили ей жизнь. У дяди обнаружился рак желудка. Устроив его на операцию и убедившись, что пока обошлось благополучно, забрала сестрицу и отбыла на Урал. В мединститут попасть не удалось – не хватило рабочего стажа. Пристроились в педагогический на естественный (химия и биология) факультет. Перед этим весь отпуск Аня занималась с абитуриенткой, полностью стерильной по тем предметам, которые предстояло сдавать. Её маленький сын бегал вокруг и выкрикивал:

– Статор, ротор, генератор! – Через пятнадцать лет он сам будет учить это все перед поступлением в институт.

Год прошел быстро. Наташа училась без троек и даже как будто с удовольствием. Если сестра заставляла заниматься, она подкладывала под учебник художественную литературу и переключалась, когда её оставляли в покое. Позже она призналась, что так приучилась читать. Но мама в Питере исходила нетерпением – скорее назад, ведь «площадь в Ленинграде»! Еще и питерская сестричка добавила: в Питере танцуют босанову! Уехала девушка на каникулы и в Пермь больше не вернулась. Дальше училась 13 лет. Первый год – брала сумку, «уходила на занятия» и возвращалась в обычное время. Приехавший в гости родственник, сам учитель математики, заметил Вере, что дочь её не учится. Выдержав спокойно бурю негодования и криков мамыши, он припер девочку к стенке, и она вынуждена была признаться, что гуляет днем по городу. Мама, в полном горе, заставила её восстановиться в институте. Для этого Наташа села в машину и поехала в Москву. В министерстве уже все разошлись по домам. В кабинете сидел один среднего возраста мужчина и что-то писал. Спросил, какие проблемы. Поинтересовался, хочется ли учиться. Выяснил, что совсем не хочется, но очень нужно маме. Подписал бумаги. Спросил, есть ли где переночевать. Ночевку в машине не одобрил. Пригласил домой. Познакомил с женой. Накормили. И только тут она поняла, что все время общалась с министром. Выспавшись, утром отбыла в Питер.

Восстанавливаться пришлось неоднократно. Закончив с

грехом пополам институт и получив диплом, никогда не работала по специальности. Попробовав решить задачки по химии, заданные сыну, получила двойку и никогда больше попыток помочь не повторяла. Ни сын, ни внук дальше школы учиться не стали, несмотря на её уговоры. Всё же девушка с высшим образованием – это не просто так! Почти все рабочее время прошло на Ленфильме. Дослужилась до директора картины.

Наташа вышла замуж за молодого человека, который сообщил, что его мама – врач, папа – директор фабрики, дом – полная чаша. После свадьбы выяснилось, что папа заведует складом и никогда с ними не жил, у него своя семья. Он, кстати, не замедлил нанести визит и предложил невестке интим, а в благодарность обещал достать мебельный гарнитур за её, разумеется, деньги. Мама – санитарка в больнице. Вскоре муж ввязался в какую-то авантюру, получил 8 лет, сел и с Наташей, к её удовольствию, развелся. Они с сыном и Верой остались втроем. Иван умер через полтора года после операции. Все это время о них у родственников не было ни слуха, ни духа.

В очередной командировке Аня, остановившаяся у блокадных друзей мужа, решила навестить родню. В старом доме на Лахтинской их не оказалось. Дверь открыла бывшая мать–одиночка, узнала посетительницу и выдала новый Наташин адрес. Она, наконец, стала законной владелицей комнаты. Смущаясь, сообщила, что сын окончил институт, по-

ступил в аспирантуру и пишет диссертацию. И такое счастье было на лице, что посетительница от души поверила в справедливость судьбы.

Новая квартира родственников была далеко от центра, на Гражданке. Войдя в комнату, племянница увидела тетку на кровати. Лицо её было бледным, «как полотно железной дороги» (тоже ходовое тогда выражение). Обменявшись «любезностями» и расцеловавшись, доктор пощупала теткин живот и поняла, что вопросы задавать бесполезно. Все пространство брюшной полости было занято бугристой опухолевой массой. Происхождение её уже не имело значения. Познакомилась с Наташиным сыном и отбыла. Гена, случившийся тут же, позвонил и посетовал, что забыл пригласить сестру в гости тоже в новую квартиру. Ему её дали по случаю туберкулеза легких, рядом с химическим заводом, источавшим непрерывно ядовитое темно-желтое облако. Весь этот район располагался на болоте, через которое местами проложили мостки. Новая семья представлена была женой и дочкой. Это было последнее свидание с Верой. Она умерла через 3 месяца.

Затем общение с Наташей снова прекратилось, теперь уже лет на 40.

На Урал зачастил Гена. Он жил с новой семьей, лечил туберкулез. Много работал, чтобы была побольше пенсия. Прооперировали грыжу. Как-то позвонил сиплым голосом. На вопрос, что случилось, ответил, что диагноз поставить

не могут, и вообще всем наплевать. Эту особенность питерской медицины кузина знала по себе, поэтому распорядилась немедленно приехать в Пермь. В клинике, где работала всю жизнь, у Гены обнаружили рак щитовидной железы с громадным метастазом в легкое. Он был отправлен домой в Ленинград, где в онкодиспансере всё подтвердили, и лечить уже не стали. Через 3 месяца не стало и его. Следом ушел Володя. Остались две двоюродные сестрички с сыновьями. Родные сестры Веры тоже погибли от онкологии.

В 87-летнем возрасте Аня решила прокатиться теперь уже в Санкт-Петербург, где в свое время работала 3 года, повидать родных, которые переехали туда из других мест, и познакомиться с ними сына с невесткой и внучку. Когда она вошла в квартиру родственницы, где решили собраться, на встречу ей вышла Наташа с криком:

– Сестричка моя любимая! Мы с Таней тебя так искали, у нас же теперь никого не осталось!

– Интересно, – ответила та, – Таня много лет вела новости на 5-м канале. Вроде, грамотная. Я её часто слушала дома. Как это вы растерялись в наше-то время?

Говорила и внимательно разглядывала сестричку, которую когда-то в трехлетнем возрасте будущий муж Ани таскал на себе по три километра на речку, когда жили на даче под Питером в Вырице. Наташка кричала:

– Уходи, змей. Она ко мне приехала, а не к тебе! – Что было истинной правдой.

А теперь один глаз прикрыт веком – птоз. Живот великоват – но уже 73 года. И голос:

– Ты уезжаешь послезавтра?

– А что?

– У меня химия....

А чего было бедняге ожидать, если у мамы, отца, брата и теток – онкология?

И что же это за судьба такая – как приедешь в семью, так обнаруживаешь рак? Может в том, что так подолгу прерывалась связь и была «великая сермяжная правда»? Или наоборот? Так раздумывала Аня, слушая весьма выразительный рассказ, как оперировавший её 6 лет назад в Онкологическом центре им. Петрова профессор оставил матку с прораставшей из неё в толстую кишку опухолью, чтобы не выводить временно сигмовидную кишку на боковую стенку. Сценарий на будущее был ясен. Вернувшись домой, родственница пыталась помочь консультацией в новом Питерском центре, хотя понимала полную бесполезность любых действий. Связь в этот раз установилась регулярная. В один из сеансов больная проговорила о выпоте в плевре. Через несколько месяцев её не стало.

Москвичка

Стоял июль. В Москве было не очень многолюдно – всё же отпускное время, что несколько примиряло Анну со столицей, ненавидимой ею с детства. Она была в столице проездом по дороге на юг. Собралась туда в отпуск вместе с заведующей отделением в клинике, где работала с окончания института. В Москве задержались на 2 дня у сестры начальницы, которая собиралась вместе с ними. Поезд отправлялся ещё засветло. В купе появились две девицы примерно Аниного возраста. Их провожали папы, один из которых был хромым и буквально висел на палке. По внешнему виду это были последствия полиомиелита, перенесенного еще в детстве. Второй родитель имел все признаки номенклатуры. Трудно сказать, в чем это выражалось. Возможно, в манерах, может быть, в костюме, но только по одному взгляду было ясно, что товарищ из начальников среднего звена.

Пришлось знакомиться. Девицы оказались химиками. Они недавно закончили институт им. Менделеева и работали в «почтовом ящике», так тогда называли для краткости засекреченные научно-исследовательские учреждения. Дорога на юга нашей родины длинная, а в те времена поезд пилил из Москвы двое суток. Естественно, были долгие разговоры. Между делом выяснилось, что старшая, Изабелла, работала с изотопами. Никаких подробностей, конечно, она не

излагала, но упомянула о том, что их лабораторию наблюдают врачи, а каждый месяц приходится делать анализ крови. При этом у всех обнаружена анемия. Чтобы не отстранили от работы, все причастные к проблеме накануне лопают ложками икру, лучше черную, тогда показатель гемоглобина бывает выше. Значительно позже Анна сопоставляла дальнейшие события с этими сведениями, а тогда запомнила, но выводов не сделала. Правда, некоторые сомнения все же высказала, но энтузиазм и интерес к тематике был таким, что никакие доводы все равно бы не подействовали. Это был период конца пятидесятых годов, когда все только начиналось, водородной бомбы ещё не сделали, в космос ещё не выбрались, а Хиросима уже случилась. И люди были совсем другими, прагматизм их не затронул. Одним словом, шестидесятники. Нельзя сказать, что такими были все, но они встречались повсеместно, влияние их на основную массу какое-то время было существенным. Чем сильнее закручивались гайки, тем ярче они выделялись на общем фоне. И главные признаки эпохи представляли они.

Всё на свете кончается, закончилась и дорога. Все ехали в Хосту. Все были «дикарями». Так тогда называли отпускников, ехавших не по путевке. Нашли квартиры, а девушки расставаться не пожелали, к большому, кстати, неудовольствию «завы». Но общение оказалось интереснее. Постепенно выяснилось, что Изабелла поехала для снятия стрессового состояния после развода. История эта была довольно ти-

пичная, и не только для того времени.

В институте учился студент с периферии. Чаще всего из этого контингента в конце учебы развивается непреодолимое желание остаться в Москве. Раньше это было очень сложно. Чтобы жить в Москве, нужна была прописка. Добыть её можно было путем женитьбы или замужества. У Кирилла была внешность, которая весьма напоминала Ива Монтана. Кстати, Изабелла тоже была несколько похожа на Симону Синьоре. Иногда их даже останавливали на улице. Молодой человек был достаточно воспитан и в меру образован, да и сходство с мировыми звездами сыграло свою роль. Отношения были совершенно радужными. Они поженились. Первый год прошел замечательно. Родитель Изабеллы в то время был приглашен на работу в какой-то главк. Появился кремлевский паёк среднего уровня (пайки там раздавались строго в соответствии с партийной иерархией). К этому времени появилась отдельная двухкомнатная квартира в центре. В общем – живи, не хочи. Тем временем образовалась беременность. Родилась девочка. И тут всё закончилось. У ребенка было тяжелое уродство развития, она погибла через два дня. Кирилл быстренько собрался и свалил к даме, которая изображала друга дома, а по совместительству занималась с Беллой немецким языком. Такой двойной удар выдержать очень трудно. Белла впала в тяжелую депрессию. Кстати, следующая беременность в другом браке закончилась выкидышем, и больше детей у неё не было. Ане всегда

казалось, что не обошлось без влияния изотопов.

Во время отдыха в Хосте Белла познакомилась с молодым человеком из Грузии. Этот роман сыграл положительную роль в её самочувствии, но довольно длительное потом общение закончилось его женитьбой, что тоже добавило разочарования. С Анной они продолжали общаться в письмах, по телефону и во время нечастых встреч, когда выпадали командировки в столицу. Самым терапевтическим средством оказался для Изабеллы её поэтический дар. Она писала хорошие стихи. Анна даже поспособствовала, чтобы они увидели свет. Её приятель, главный редактор Пермского книжного издательства, опубликовал несколько из присланных произведений в молодежном сборнике. Это было очень мало. Анна не понимала, почему она не печатается в Москве, пока не познакомилась поближе с писательской братией и не сообразила, что зависть у «творческих работников» превалирует над остальными чувствами. Это уже много позже подтвердила её приятельница-журналистка. Книга стихов Изабеллы вышла, когда она работала в Черноголовке.

По прошествии времени Изабелла вышла замуж второй раз. Муж работал в близкой её специальности области. Это был славный парень, который её очень любил, а она не скрывала к нему полного равнодушия. По работе ей часто приходилось ездить в командировки в Германию, в ГДР, конечно, поэтому все время совершенствовался немецкий язык. Впрочем, она подходила к этой проблеме без комплексов.

В те времена, когда знание иностранных языков рассматривалось как качество, по меньшей мере подозрительное, она объясняла Анне:

– И чего стесняться? Не думай ни о каком произношении и грамматике, говори все слова, какие знаешь, вот и всё!

Конечно, у неё был вполне приличный немецкий. Да и практика была почти постоянной. Для Анны это было предметом белой зависти. Завели родители собаку породы эрдель-терьер, по имени Динни. Когда она была маленькой, дети на прогулке подходили к маме с вопросом:

– Тетя! А у вас собака настоящая? – Это были времена, когда основной породой в СССР были двортерьеры, а Динни оказалась экзотикой. Выросла очень умная и воспитанная собака, которая, по мнению Беллы, весьма разрядила обстановку в семье. Мамин характер держал всех в тонусе.

Появилась и дача в Жуковке. Ею занималась мама. Дача располагалась в обычном поселке и была половиной бревенчатого дома с четырьмя сотками земли в их распоряжении. Отец работал в конторе, теперь бы сказали «в офисе», и занимался строительными вопросами. Материальное обеспечение было хорошим. Оба комсомольцы, а потом и партийцы, скандалили каждый раз, когда родители посылали за пайком – их мучила совесть. На вопрос, зачем тогда вступили в партию, был ответ, что изнутри с «ними» бороться проще.

Слава был мужиком принципиальным. Как-то, провожая

Анну на вокзал, он увидел волосатую руку, которая протянулась перед ней без очереди в камере хранения. Рука принадлежала «лицу кавказской национальности», который решил влезть перед девушкой. В ту же секунду владелец руки оказался у противоположной стенки. Анна обеспокоилась:

– Ты не боишься, что он в драку полезет?

– Не волнуйся! Это он у себя наглый, а здесь живо хвост подожмет! – и оказался прав.

Семья Беллы постепенно разваливалась. Сначала они развелись с мужем. Вскоре у отца произошел инсульт, от которого он в итоге скончался. Довольно быстро умерла от рака мама. Поэтесса осталась одна.

Шло время. Изабелла защитила кандидатскую диссертацию. Отдел, где она работала, перевели в Черноголовку. Общение стало реже, затем прекратилось на некоторое время. Анну занимали домашние и рабочие заботы. Однажды перед праздником она написала подруге открытку с поздравлением, а в ответ получила весьма грустное письмо. За выпавший из общения период Белла ещё раз вышла замуж, на этот раз по большой любви, была очень счастлива. Защитила докторскую. Вскоре у неё обнаружили опухоль молочной железы. Операция оказалась недостаточно радикальной, и появились метастазы. Муж скончался от опухоли мозга. Белла звала подругу к себе. Ей не хотелось оставлять квартиру в Москве и квартиру в Черноголовке, а также любимую машину чужим людям. Она понимала серьёзность своего положения.

Но ещё лучше понимали это «чужие люди». Когда Анна перезвонила в Черноголовку, Изабелла была уже в больнице. Ехать не было смысла. Единственное, что бы хотелось получить на память – это книгу Белкиных стихов. Но просьбу оставили без внимания: видно, раздел имущества был важнее. В интернете книга отсутствует, хотя упоминание о ней есть.

Вспоминая её, Анна задумывалась над совпадением. У неё позднее появилась очень близкая по духу подруга, которую тоже звали Изабеллой. Она также попала под излучение в том же возрасте, что и первая, хотя долго об этом не подозревала. Обе они фанатически любили свою работу, через что и пострадали. Обе потеряли дочерей, хотя по разным причинам. Две поэтессы писали хорошие стихи. Та и другая стали докторами наук. Такое сходство судеб скорее всего объясняется их принадлежностью к одному поколению, тем самым шестидесятникам, которые смысл существования видели в любимом деле и не жалели самой жизни для достижения благой цели.

Послесловие

Представить особенности того времени, да еще в сочетании с многообразием людских характеров и судеб, оказалось делом нелегким.

Середина XX века характеризовалась глобальными изменениями научных взглядов и появлением новых технологий в медицине. Молодые врачи того времени начинали свой профессиональный путь в непростой обстановке. Они постигали азы работы в условиях крайней скудости материального обеспечения даже в крупных клиниках, всеобъемлющего послевоенного дефицита, устаревших взглядов на методы диагностики и лечения. Проблемой было и то, что страна уже в течение нескольких десятков лет находилась за «железным занавесом», а Пермь вообще была закрытым городом, статус которого практически полностью исключал возможности международного научного обмена. Иностранная литература с начала 70-х доходила сюда с трудом и большим опозданием, иногда на многие годы, но даже и в этих условиях (а может быть, именно благодаря им?) медицина того времени была качественной, бесплатной и доступной, как и «лучшее в мире» образование. Последнее было намного ближе к практике, чем сейчас, и носило черты классического. Нас учили люди высокообразованные, с глубочайшей внутренней культурой. Стоит ли говорить, что и отношение к больным при-

вивалось бескорыстное и ответственное.

Очевидно, что оценивать прошедшие события можно только с учетом условий, в которых они происходили. Теперешнему молодому поколению непонятно, как можно было работать в то, наше время. Мы, дожившие до настоящих времен эпохи материального оснащения, помним начало своей работы. Для воспитания врача необходимо было то классическое образование, которое мы в свое время получили. Субординатура, начало которой было положено именно нашим курсом, была совершенно необходима и очень бы пригодилась сейчас, чтобы на выходе получить мыслящего и ответственного врача. Недаром при начале обучения в операционной помогали субординаторам только специалисты высшей категории.

Бесконечные «оптимизации» пользы образованию не принесли. Какое-то время прорехи удавалось компенсировать студенческим кружком, но и это со временем превратилось в рутину и не стало давать того эффекта, который наблюдался изначально. Огромное количество современных опытных хирургов прошли в свое время эту школу и с благодарностью ее вспоминают. Новые образовательные подходы и законодательные инициативы лишили нас операционных дней, вернее, вечеров для кружка. Они же способствовали ликвидации студенческой практики в сельских и районных больницах, что было весьма полезным. Конечно, «человека нельзя научить». Он должен сам научиться. Но меди-

цина относится к числу занятий, где главное – передача навыков и подходов «из головы в голову», «из рук в руки», «из глаз в глаза». Наставничество особенно важно в дисциплинах, где присутствует рукодействие. Разборы больных учат думать, показывают наглядно поведение врача, отношение к пациенту. Недаром это слово переводится как «терпящий». Поэтому так важна роль наставника, в чем у нашего поколения никогда не было недостатка. Для медиков не годится всякое «левое» образование – вечернее, заочное, а уж тем более дистанционное. В хирургии опытный специалист уже по кожному разрезу увидит, где учился оперировать человек, в клинике или в Ухрюпинске.

Новые технологии, новые лекарственные препараты, новые технические средства визуализации, безусловно, вызвали взрывной характер изменений в медицине. Но и сегодня, как 150 лет назад, суть нашей науки предполагает отношение к ней как к искусству, знание естественных и точных наук, психологии, равно как и умение принимать новое, не забывая при этом старого.

Двадцатый век изобиловал не только политическими и военными катаклизмами, но и событиями, обусловленными новыми знаниями: открытием атомной энергии, развитием информатики, освоением космоса, а значит, использованием этих технологий в жизни. Все это немедленно отражалось в производстве, науке и, конечно, в медицине. К сожалению,

не всегда и не все оказывалось безопасным. Так было, например, с атомной энергией.

Надо заметить, что человеческая натура меняется значительно медленнее, чем того требует научно-технический прогресс или процессы, происходящие в обществе. Ей не всегда удается быстро приспособиться к новым условиям. Может быть, это и к лучшему: ведь должны же быть твердые законы бытия. Такие понятия, как совесть, доброжелательность, сострадание, взаимопомощь исчезнуть не могут. Без них человек превратится в белковое тело. И именно они помогают не только выжить в запредельных условиях, но и не потерять человеческий облик.

Человек – животное стадное. Для полноценной жизни ему необходимо чувство локтя. Становление настоящего индивида весьма зависит от среды, в которой он растет и работает. Так хочется пожелать теперешней молодежи не растерять себя и выстоять в эпоху перемен, которые в последние десятилетия постоянно потрясают мир.

А медицина будет нужна столько, сколько продлится век человечества. И основные качества врача тоже не могут никуда деться. Он должен оставаться спасителем в тяжелых случаях и утешителем в печали. Для этого и нужны его знания, опыт, умение усвоить новое и уметь улыбнуться, когда надо. В.М. Бехтерев говорил: «Если только от разговора с врачом больному не становится легче – это плохой врач». Этому надо учить. Помнить о главном принципе – «не на-

вреда».

И еще хочется пожелать новому поколению «не плевать» в прошлое. Там тоже было много хорошего и нужного, а, как известно, «без прошлого нет будущего». И эволюция медицины – не исключение. Вот для чего и следует это прошлое знать.

Пермь, 2020